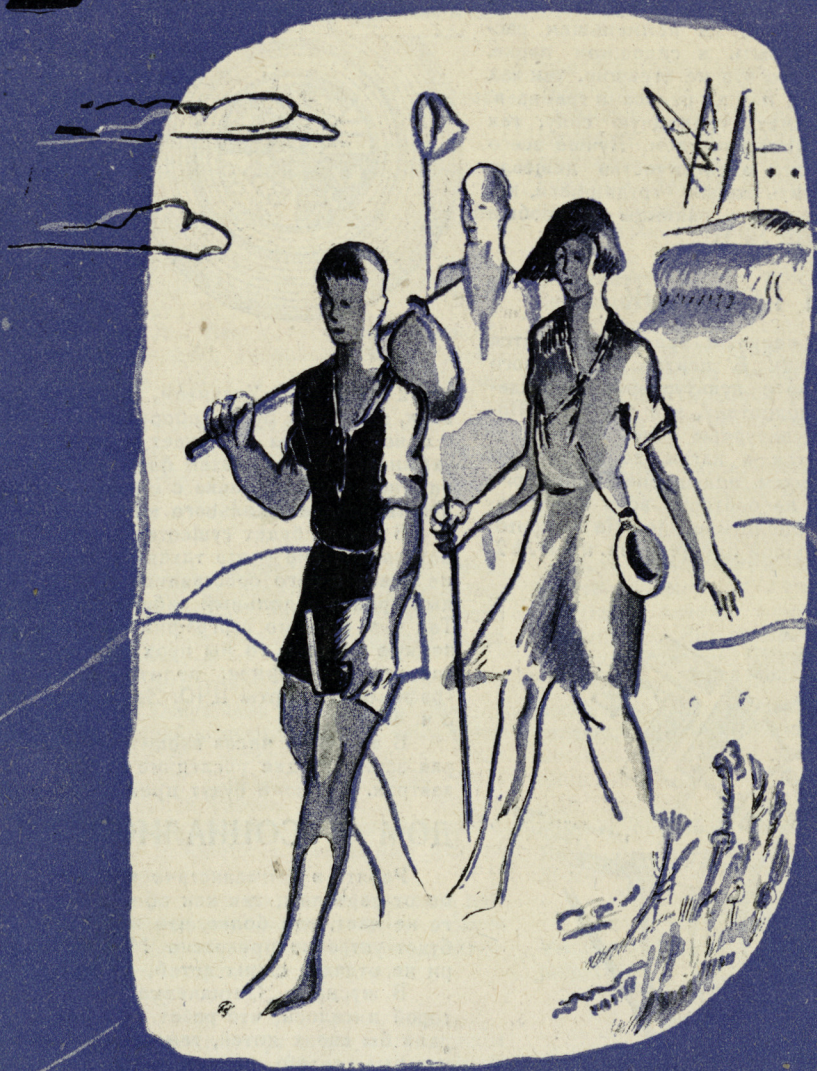
П29
1930
34
Фонд
№17-36
сук

ПИОНЕР

П 29
34

17



МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ
1930

ИЮНЬ

№ 17

Адрес редакции:
Москва, Центр, Новая пл., 6.
Условия подписки:

36 номеров без приложений:
на год—3 р., 6 м.—1 р. 60 к.,
3 м. — 85 коп., 1 м. —30 коп.

36 номеров с приложением
12 сборников „Вторая Ступень“: на год—8 р. 25 к.,
6 м.—4 р. 35 к., 3 м.—2 р. 30 к.

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПИОНЕР

БОЕВОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

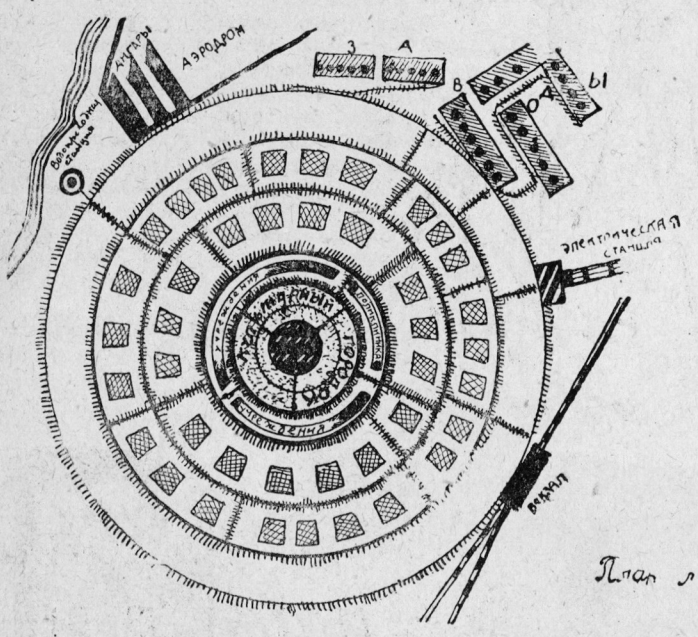
КОНКУРС ЕЩЕ НЕ ОКОНЧЕН

ПРОЕКТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОРОДА

С. г.[1] должен иметь круглую форму, потому что такая форма лучше: все крайние дома стоят на наименьшем расстоянии от центра. Город должен быть в сплошном парке. Заводы помещаются за городом, но это не страшно, так как в с. г. прекрасные дороги и город опутан рельсами трамваев. Электрическая станция должна иметь громадную силу, так как в с. г. все будет работать электричеством. Лучше всего строить гидростанцию, так как это электричество дешевле парового. В с. г. имеют право жить только трудящиеся, которые ни разу не были осуждены, не пьяницы и вообще друзья советской власти (см. план № 1).

КУЛЬТУРНЫЙ ГОРОДОК

В самом центре с. г. среди парка и зелени находится культурный город (см. план № 2). В центре культурного городка прекрасные белые здания с культурными учреждениями: кино, театр, читальни, библиотеки, зал для игр. Вокруг дома раскинулись тоже культурные учреждения: стацион, который зимой превращается в каток, зоологический сад и т. д. Среди деревьев высятся полушарие Планетария и музеи, тут также помещаются лаборатории всех видов работы: химические, технические, биологические. На территории культурного городка, на большой площади (см. план № 2) расположен:

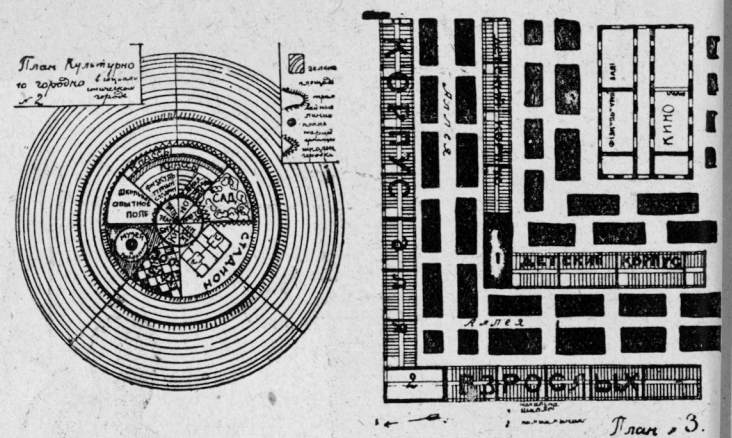


План № 1.

ШКОЛЬНЫЙ ГОРОДОК

Двумя громадными полукругами расположены здания школы. Дома имеют по 900 классных комнат. И, значит, два дома имеют до 2 000 классов. В школе учатся более 70 000 учеников. В этой грандиозной школе учатся „все горожане“

[1] С. г.—социалистический город.



План № 3.

от 12 до 20 лет. Ученикам, правда, придется ездить на трамваях, зато как будет оборудована школа!!! Здание школы с одной стороны обступает парк, с другой — сад, за которым ухаживает школа, затем физкультурный стадион, школьное опытное поле и только с одной стороны к школе будет прилегать здание школьного клуба и музея.

В школе будет существовать кабинетная система. Кабинетная система — это такая работа учащихся, когда группа не имеет своего собственного класса, а переходит на каждый урок в отдельный кабинет по какому-нибудь предмету. Так что, если по географии мы проходим Центрально-Черноземную область, то мы проходим ее в специальном кабинете, где есть рельефная, политическая, экономическая и этнографическая карты ЦЧО. Занятия в школе с 9 часов и до 3 ч. 40 м.

В эти семь часов входит вся общественная работа, которая занимает две последние лекции. На третьей переменке завтрак. В школе будут преподавать самые лучшие учителя.

ДОМ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ГОРОДЕ

Ребята в социалистическом городе должны жить отдельно от взрослых, так как общество взрослых ничего хорошего не дает, тем более, что в городе детская общая жизнь будет устроена прекрасно Многие говорят, что сейчас матери не отдадут своих детей, но это не так (см. план № 3)

В журнале „Пятидневка“ была помещена статья, в которой писалось, что работницы одной фабрики охотно отдали бы своих детей, тем более, если бы знали, что им будет там хорошо.

С самого начала надо прививать ребенку чувство коллективизма. Летом, осенью, весной и зимой нужно устраивать полумесячные лагеря.

Харьков, 57-я школа. *Пионер А. Серецкий*

СЕГОДНЯ В „ПИОНЕРЕ“:

„АЙ-ДА“, рассказ А. Бочина.—„ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЗАБАСТОВКА“.—„ОСТРОВКИ СОВЕТОВ В КИТАЕ“, очерк Б. Мельникова.—„РЕСПУБЛИКА АРТИСТОВ“, очерк Л. Воронковой.—„ДОРОГА НА ЗАВОД“, очерк Я. Файнштмидта.—„КУШАЙТЕ НА ЗДОРОВЬЕ“, очерк Л. Кассиля.—„ВОДА В ПЕСКАХ“, очерк А. Письменского.—„СЛУШАЙ, ТОВАРИЩ ПИСАТЕЛЬ“, диспут.—„КТО ВИНОВАТ“, диспут.

Айда!

Рассказ Л. БОЧИНА (*Продолжение*) *Рис. Л. СМЕХОВА*

Г.П.Б-ка обяз. экз.
Лнгр. 1930 г.
Акт №

Для того чтобы рассеять у ребят — читателей нашего журнала — неправильное мнение об этом рассказе как о выдумке или фантазии, о чем поступило много писем от ребят, редакция сообщает, что звено Мишки Маркина существует. Весь рассказ написан подлинно из жизни ребят, работающих в гор. Москве, в Бауманском районе, в отряде № 28.

ПРЕНИЯ:

Тов. РАЙКА. Преступление хоть и сделал, а простить надо!

ТОВ. НИСИН. А какое тут наказание в лесу дашь?..

ТОВ. АРКАНЬКА. Всыпать ему пять щелчков горячих и с перчиком в лоб!..

ТОВ. ЗАВБАР. Леньке два выговора с тремя предупреждениями...

ТОВ. ДЕМАГОГ. А Завбара сто благодарностей и крокодилий хвост за дурацкое предложение. (Голос председателя: «Это не по существу вопроса».)

Уваж. тов. БАДЕН ПАУЛЬ. Против всех предложений. Предлагаю Леньку лишить счастья закончить поход, заставить его одного вернуться в лагерь и на центральной линейке сказать всем ребятам: «Я нарушил законы звена — меня прогнали товарищи». Ничего никак не разберу. Все кричат, охают, машут руками, дерутся, прыгают и, получается не «застояние», а «сплошная буза»...

. . . . . .

ПОСТАНОВИЛИ:

«Предложение Баден Пауля принять без изменений. Предложение Демагога о том, что он берет вину на себя (почему!) и возвращается в лагерь вместо Леньки Мелиха (ишь ты!) отклонить. Предложить Леньке Мелихову приговор звена немедленно привести в исполнение.

Предс.: Баден Пауль (Мишка)
Секретарь: Малоненько (я)»

Этим был отмечен неожиданно конец второго часа пути.

Ребята, вздыхая над своей жестокостью, долго еще стояли, глядя на удалявшегося в обратную сторону товарища. Но что поделать?... Закон тверже стали!.. И Мишке жалко Леньку, но зато звено спасено от дезорганизации. Вряд ли теперь кто-нибудь заикнется о нежелании выполнять приказания...

Вторые два часа пути легкими лесными тропами выветрили из голов ребят оставшееся позади событие... Шли и пели, довольные своим задором, решительностью, дружностью и суровостью (когда это нужно)...

★

Конец четвертого часа пути поставил звено опять лицом к лицу с неприятной неожиданностью... Злая судьба, видно, изволила шутить над звеном... Еще час подозрительного, настороженно-молчаливого пути, и... ребята поняли, что им готовится вторая, более сложная, «переделка», нежели просто глупое слепое петляние прошедшей ночи...

Они шли уже час по однообразному, серому болоту, заросшему острой, больно режущей ноги осокой и такими серыми, полумертвыми кустами жидкой растительности...

Не видно из-за кустов конца низины... Все сильнее ноги уходят в зыбкую запутанность осоки...

Через полчаса почва начала становиться опять неподвижной, и над ребятами густой шапкой встал ржавый, замшелый, коряжистый и низкорослый лес...

Чувствуя под ногами не осоку, а уже твердую, хоть и торфяно-рыжую почву, ребята заорали: «Ур-ра!» Напрасное торжество! Опять низменность и тяжелый и удушливый лес, прикрывающий своей прелой листвою чадящую ржаво-красную болотную гать... Ноги разъезжались в противной слизи, натыкались на острые оголенные коряги и иногда так сильно начинали уходить в жидкую ржавчину, что ребята в страхе бросались назад. Взбирались на высокие кочки и в ужасе хватались за уродливые стволы деревьев... Переводили вывихнутое страхом дыхание и начинали уже опасливо пробираться дальше...

Половина ребят были впервые в настоящем болотном царстве... Поэтому каждая минута пути, каждое хлюпание засасывающей ноги трясины приводило их в какой-то необъяснимый ужас.

В некоторых местах гать была совершенно непролазной, и Мишкин полутораметровый посох, опущенный с гигантской кочки (все звено умещалось) в трясину, уходил почти по рукоять. Тогда прыгали с кочки на кочку, в страхе сжимаясь в комочек над бездонным оконцем хляби...

Там, где кочки находились на значительном расстоянии, придумали хитроумный способ продвижения. Подрубали дерево, находящееся на их кочке, своим легким походным топориком и валили по направлению к близлежащей кочке. Один за другим осторожно перебирались по весьма невыносливым, пропревшим над болотным исчадьем стволам и ответвлениям.

Опять крепнет почва. Опять радость! И опять преждевременная... Лес снова встречает ребят непроходимой стеной болотной крапивы. Колеблются ребята.

— Вперед, братва! — кричит Мишка и бросается в заросль крапивы, размахивая, как косой, своим посохом. Все запасаются длинными ивовыми прутьями и двигаются за ним, закусив губы, принимают каждый ожог в ноги, в руки, в лицо... Всюду крапива! Уже горит все тело, саднит, как единый большой нарыв! Молчат. Только злобно «жвикают» прутья, пробивая путь. Куда? Сейчас об этом не думают. Лишь бы сломить эту стену зелено-серого огня! Жвик! Ж-ж-в-и-к! Ай! Ж-ж-в-и-к.

— Ребята! Ребята! Елки с палкой, река!

Все бросаются на голос продравшегося вперед всех Мишки. Забыв о крапиве, пробивают ее грудью и даже лицом!..

— Река! У-ра!..

Ребята смотрели на удалявшегося товарища.

— Наконец-то! Еще минута, и я бы упала... — устало, но в то же время радостно бросает Райка...

Но река оказалась новым ударом по радости ребят.

Метров сто до берега реки опять зыбкая, засасывающая трясина. И, что самое страшное, трясина совершенно непроходимая — посох уходил без всякого давления, скрываясь в совершенно незассоченной жиже... Растительность неожиданно обрывалась, кончаясь невысоким торфяным обрывчиком...

Все попытки отойти вправо и влево, чтобы подобраться к берегу реки, привели только к окончательной утере всех остатков бодрости.

Вдруг неожиданный островок, закрепленный корягами корней над проклятой гатью...

— Ребята! Стой! — кричит Мишка. — Дальше не двигаемся. Тут устраиваемся на ночлег. Как следует поужинаем, выспимся, а утром двинемся дальше. Правильно?

Необыкновенно во-время было сделано предложение остановиться. Оно сразу же ободрило ребят. Иначе они, не дожидаясь ничего, сели бы сами. А сейчас в новом и, вероятно, на сегодня последнем приливе энергии принялись за приготовления к ночлегу и костру.

Валили деревья в большую кучу, чтобы сильнее поднять шатер над влажной, полуболотной почвой, тащили воду и фильтровали ее через угольный самодельный фильтр, сделанный еще в лагере Витькой Лавровым и Арканькой Негритосом.

Приготовили топливо, заложили костер, и Мишка, чувствуя конец приготовлений, торжественно сказал:

— Все готово, зажигайте костер!

Никто не тронулся с места. Мишка сердито повторил, повышая голос:

— Чего скисли? У кого спички? Зажигай!

Все глядели друг на друга, дожидаясь, что вот кто-то из ребят вынет сейчас коробок, чиркнет синевато-белым огоньком, и ударит столбом искр в небо их костер...

Спичек не было. Мишка переспросил всех по очереди: «У тебя?» Все по очереди с нарастающим ужасом отвечали: «Нет!»

Обшарили все мешки — не оказалось!

— Не может быть! У кого спички? Кто зажигал костер на обеденном привале? — Мишка уже тоже начал терять равновесие. — Ну кто, кто? Говорите! Говорите!

И вдруг в тишине, как молния, сверкнула фраза, брошенная тихо Лизкой:

— Ребята!.. В обед Ленька Мелихов зажигал. У него в мешке... все пять... коробков...

— Так... здорово... — только и смог пробормотать Мишка...

Шли по однообразному, серому болоту.

... а спичек не было.

После этого сидели неподвижно, понурив тяжелые головы, нервно сжимая холодеющие в лопатках плечи... Не притронулся никто к холодным мясным консервам.

— Сволочи! Сволочи! Куда вы завели меня? — вдруг прорвал зловещий гнет тишины плачущий, натянутый струной голос Тольки Демагога.

— Замолчи, гадюка! — повелительно, но в то же время надтреснуто обрезал Мишка...

Опять тишина... Болело в крапивных ожогах тело, звенели осочные порезы на загрубевших, разъеденных болотной закисью подошвах... Звенели назойливо комары, громадным маревом набросившиеся на единственное людское пристанище в полупроходимых болотах... Голод был настолько силен, что холодное мясо потеряло вкус... О-о! Сколько бы каждый в эту минуту отдал за самую небольшую порцию горячей похлебки или кашицы, даже, в крайнем случае, за самый простой коробок спичек...

Мишке удалось опять взять себя на время в руки. Он вынул карту и в свете карманного фонаря въелся в злую прямую линию, которой они как-будто правильно держались и которая все же привела их в новое соприкосновение с неожиданностями...

Так вот они, эти странные условные обозначения... Поле пунктирных грядок превратилось в заржавленную предательскую гать, в крапивные стены, в ночь без огня, без горячей пищи! Разве отдохнут теперь ребята? Нет! Как они завтра будут двигаться?

Что он вспомнил? Да! Да! Ведь эти странные условные знаки показывают почти непроходимое болото. И еще... Ведь это есть самые известные в их краю Мытинские болота... Мытинские болота! Те, о которых с ужасом рассказывали окрестные крестьяне... Как Мишка мог так торопиться намечать второй маршрут? Что заставило его сделать такую ошибку? Чрезмерное хвастовство? Задор? Приключенческая прыть? Или просто его неумение хорошо запоминать и читать карту? Просто его топографическая неграмотность? Что? Мишке стало совсем легко: он почувствовал, что во всем виноват только он, но что ребята молодцы, хорошие товарищи, знают, что тяжело Мишке и не ругают его, даже виду не подают... Вот от этого-то легко и хорошо... Он встал, потянулся, стряхивая оцепенение, навеянное тишиной, зябкостью, думал о прошедшем и, заглушая монотонные слюнявые причитания совсем столетнего дьяка — «Демагога», запросто (и весело даже) сказал:

— Да, ребята! Читаешь — все просто кажется!.. На самом деле, видите, не так... просто... Т-тю!.. Где наши великие помыслы? Где Джамаровка? Неизвестно. Где-то за болотами. Колесить туда. Километров сорок. Как вы думаете, ребята?

Молчали ребята. Молчала глухая, гнилая болотная ночь. Дрожали в голодной и зябкой судороге холодеющие тела ребят славного звена Мишки Маркина.

И где далеко-далеко в неосязаемых пространствах рисовалась им неизвестная, но манящая и недосягаемая Джамаровка.

— Эх-ха! Не бывать нам в Джамаровке . . . . . Всё...

Так вот они, эти странные условные обозначения.

«Но не все, что плохо начинается, так же плохо кончается».

Ленька Мелих, заслушав приговор звена, со зла плюнул и еще раз произнес запротоколированное Маруськой слово:

— На фик!

После этого искусственно улыбнулся, свистнул и, поправив заплечный мешок, тяжело зашагал от ребят по направлению к лагерю...

Никак не мог он подумать, что какое-то проклятое ведро может наделать столько неприятностей...

«Но как я приду в лагерь! Как я выполню на центральной линейке постановление звена?! Что про меня скажут ребята! Нет... Нужно вернуться. Попросить ребят». Он сделал крутой поворот... Стоя на месте, еще раз взвесил свое положение и еще сильнее утвердился в решении: «Нужно попросить... Может, отменят постановление...»

Бегом он вернулся на место «застояния», но ребят уже не было... Видно, пока он отшагивал километр по направлению к лагерю, ребята быстро снялись и пошли дальше...

Он бросился по свежим следам, пытаясь найти всевозможные признаки того, что здесь проходило звено... Через полчаса он уже в просвете подлесковых кустарников увидел хвост звеньевого гуська — верблюдоподобная «Завбар» тянулась в конце, выискивая пеньки для ежеминутных привалов...

Уже вот-вот догонит Ленька!.. Но тут вкралось сомнение: «А вдруг еще хуже попадет от ребят?... От Мишки всего можно ожидать...»

Это опять заставило остановиться и снова взвешивать свое положение и всевозможные выходы.

«Что делать?..»

И в Ленькиной голове созрел неожиданный гениальный план...

«Ого!.. Пойду за ними по пятам!.. Когда за ними следом вернусь в лагерь, пусть судят, как хотят!» И незаметно для самого себя вдруг вслух бросил боевой клич звена: «Айда!» шагнув в сторону движения звена.

Отстать от звена на значительное расстояние заставило болото. Открытая панорама голой, прикрытой низкорослой растительностью трясины внушала опасение, что он окажется пойманным на гениальном трюке. Ленька засел в предболотные кусты и выждал, пока звено не скрылось на первом островке низкорослого болотного леса...

Ленька зашагал к лагерю.

„Пустяки догнать-то", подумал он, но, пройдя около двухсот метров, врезаясь в болото, почувствовал, что уже не догонит ребят. Их было много, и они смелее могли двигаться по этой предательской зыби. Хоть и страшно, но зато ребята рядом. А он! Он замирал при каждом наиболее сильном колебании почвы,— иногда ноги, скользя, уходили в трясину, — до боли закусывал губы, лишь бы не крикнуть в порыве какого-то неощутимого страха. Серая безлюдная гать, казалось, затягивает его брошенного одного, в свое бездонное трясинное царство... И он, с медлительностью загнанного зверя, нащупывал каждый очередной шаг...

Подступив к стене крапивы, он ринулся в ее жалющую гущу, совсем не придумывая способов обороны. Горело лицо, руки и ноги. Чувствовал, как набухали желваки крапивных ожогов, не обращал внимания, пытаясь как можно быстрее двигаться за ребятами... Опять болото... Теперь более жуткое... Зажимая глаза, замирая и съеживаясь от внутренней холодящей дрожи, он прыгал с кочки на кочку, ежеминутно срываясь, глубоко уходил в коричневую жижу, с ужасом цеплялся за осоку и, обрезая пальцы, вытягивал тело на спасительные кочки... Две-три минуты отлеживался, лишь бы успокоилось затрепыхавшее от страха сердце, а затем новый прыжок.... Но вдруг Ленька почувствовал, что, упав на кочку, он уже не может подняться. Левая нога налилась тяжестью, острой нестерпимой болью и будто прилипла к земле... Попробовал подняться, но приступ боли заставил снова упасть, и, чтобы не закричать от боли и от ужаса создавшегося положения, Ленька въелся зубами в твердую волокнистую осочину. «О-о! Вывихнул... видно... ногу...» Часа два он делал бесконечные попытки двигаться, но напрасно. Боль парализовала его последние силы, волю и рассудок! Как быть? Кричать? Звать ребят на помощь? Нет! Нет! Что скажут об этом ребята?! И глупое, безрассудное решение сложилось у него в голове как единственно правильный выход...

«Сидеть здесь на кочке... Пока нога не успокоится настолько, чтобы можно было двигаться». Он сидел и тупо, безразлично оглядывался по сторонам, выискивая хоть какие-нибудь случайные отличительные черточки в скучной, серой картине болота...

Солнце снижалось, кладя суровые, лилово-красные тени от причудливой скупой растительности...

Ленька вдруг решил, что пора подзакусить, вынуть из мешка одеяло и расположиться на ночевку...

Так и сделал. Открыл финским ножом банку консервов (у каждого в мешке своя порция) и уже с совершенно безразличным видом начал жадно, с чавканьем уплетать холодное, обложенное жиром мясо...

Когда опустил руку в мешок, чтобы вытащить одеяло, рука вдруг наткнулась на что-то твердое, завернутое в газету... Рассеянно Ленька вытянул сверток и застыл, широко открыв глаза.

«Чорт возьми! Спички!.. Спички забыл отдать!» Тысячи вопросов запрыгали в его голове. Болото, из серого, однообразного и неподвижного, превратилось вдруг в сотни разноцветных, быстро вращающихся перед глазами Леньки кругов... У него закружилась голова...

«А как же ребята?.. Где они сейчас?.. Хватились ли они спичек?»

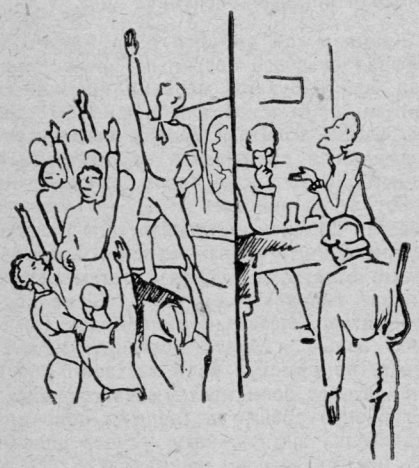
Ленька чувствовал, что кочка под ним заколебалась и, сильно качаясь, запрыгала вверх в темное, вечернее небо... Вон маленькая яркая звездочка; к ней плывет его кочка. Звезда приближается, растет, режет ярким светом глаза и вдруг встает перед Ленькой большим вопросительным восклицанием:

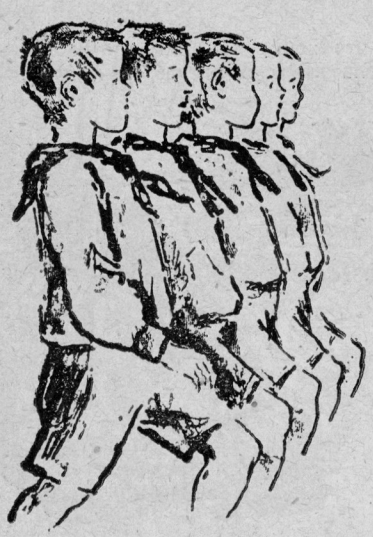
КАК ЖЕ БЫТЬ?

Ленька приходит в себя... Вгедаясь глазами в быстро оседающую на болото тень, начинает искать необходимый ответ. Как же быть?

— Как же быть?

В СТРАНЕ, ГДЕ БОЯТСЯ ПРАВДЫ





У НИХ...

Работа делегатов слета

„Покидая Советский Союз, мы берем на себя обязательство рассказать правду о Советском Союзе всем пролетарским ребятам и взрослым трудящимся, разоблачить ложь, распространяемую капиталистами".

Неприветливо встретила их „родина". „Мы опять в капиталистической стране,—пишет Рудий З.—Первыми принимают нас резинодубиночные служаки немецкой республики. В Берлине была организована встреча Грузовой автомобиль, полный полицейскими, проъожал нашу демонстрацию".

Картину дорисовывает Вилли К. „В Берлине нас встретило много рабочих и детей рабочих. Мы устроили большую демонстрацию. Полицейские стали бить резиновыми палками рабочих и ребят, но мы не испугались и, несмотря ни на что, продолжали демонстрировать".

„Когда началось учение в школе, я пошла туда Направилась к директору. „Да,—сказал он,—может быть вы много слышали и видели, но это ничего не значит, мы не можем вас перевести". Я должна или снова прослушать семестр или вообще оставить школу. В первый же день было у меня столкновение. Учитель рассказывал нам кое-что о Советской России. Я внимательно слушала. Он рассказал нам такую глупость: „В Советской России все носят одинаковые платья, а кто этого не делает, того арестовывают. Я вызвалась и сказала, что он говорит неправду, так как я сама видела, как „живут люди".— Это из письма Кэтэ Х.

„Теперь у нас начинается работа вовсю. Я должен ездить во все пионерские группы и рассказывать им о Советской России. Учителя натравливают ребят против меня, но это мне нисколько не мешает, наоборот, я покажу учителям, что стал настоящим пионером".

Для того чтобы лучше распространить правду, пионеры выпускают свои газеты. Это особенно не нравится нашим врагам. „Один пионер, который раздавал газеты перед входом в школу, был арестован полицейским и должен был просидеть 12 часов в заключении. Школьные власти также стали преследовать нас — пионеров. Нам запретили посещать школьные кино и праздники. Нам пригрозили, что если мы будем продолжать распространять газеты, нас исключат из школы. Так борются против нас, но мы тоже будем бороться до тех пор, пока наше государство и школа не будут коммунистическими".

Делегаты в ряде городов провели конференции пролетарских ребят, с отчетами о международной конференции и слете.

„Работали очень много", пишут делегаты. Один из них со времени приезда из Советского Союза сделал 42 доклада. Он выступал не только на детских собраниях, но и на собраниях взрослых рабочих.

Одного из делегатов, Алекса И., хотели послать в Австрию, но правительство Австрии боится правды о Советском Союзе и запретило Алексу въезд в „свободную" Австрию.

У НАС...

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЗАБАСТОВКА!

Союз юных спартаковцев держал свой трудный боевой экзамен. И этот экзамен он выдержал. Стоит только заглянуть в газеты, которые, начиная с „Локаль-Анцейгера“ и „Форвертса“ и кончая нейкельнскими желтыми листками, подняли общий вой:

— Пионеры втягивают всех детей рабочих в сопротивление и забастовки!

— Распустить Союз юных спартаковцев!

Почему такой дружный вой газет всех направлений?

Потому, что в сердце красного Берлина, в Нейкельне, организовался крепкий сильный боевой фронт детей и рабочих против капиталистов. Выступление детей было борьбой против кабального плана Юнга.

Объявили забастовку четыре школы: пятнадцатая, шестнадцатая, тридцать первая и тридцать вторая. Первым днем забастовки было 2 апреля. Бастовало 90% школьников. Полиция и учителя ничего не могли поделать. Полицейские бросались на пикеты бастующих, но вскоре получили ответ — демонстрацию. С большим воодушевлением, с развевающимися красными знаменами двинулась демонстрация по улицам. Общие школьные собрания выделили забастовочный комитет, который совещался с родителями о всех боевых мероприятиях.

Однажды подошли к школе на Маловерштрассе. Тогда один класс школы запел „Интернационал“. Услышали другие классы, и вся школа от подвала до чердака огласилась звуками рабочего гимна.

В другой раз полицейские избили в кровь выпускного ученика, который сказал бастующим: „Молодцы“. Парня пришлось свезти в больницу.

На третий день забастовки после полудня состоялась большая демонстрация. Полиция пробовала разогнать демонстрантов. Она задержала пятерых ребят, которые несли плакаты. Забрали также и рабочего, который крикнул: „Да здравствует школьная забастовка!“. Но шествие продолжалось. Воодушевление демонстрантов было так велико, что полиция принуждена была отступить.

На четвертый день к забастовке примкнули еще некоторые школы. В понедельник состоялось большое собрание ребят и родителей, на котором было решено прекратить забастовку, но вести усиленную работу во всех берлинских школах для организации ребят, чтобы в следующий раз выступили не только шесть нейкельнских школ, но сотни школ, рассеянных по всему Берлину.

Одно обстоятельство в забастовке интересно отметить. Много ребят из „Друга Детей“ и „Красных Соколят“ тоже бастовало. Ребята поняли, что руководитель обманывает их, и бастовали.

Островки советов в Китае

Очерк Б. МЕЛЬНИКОВА

Рис. Л. ТАРАКАНОВА и А. СМЕХОВА

Великая китайская революция 1925—27 гг. подняла миллионные массы рабочих, крестьян и городской бедноты, которые составили мощную силу.

Несмотря на тяжелое поражение первой революции, несмотря на бешеный террор китайской контрреволюции, надежды китайских помещиков и буржуазии на длительное господство, на окончательную ликвидацию революционных выступлений трудящихся масс не оправдались. Наоборот, оправдалось предвидение китайской компартии и Коминтерна о неизбежности нового революционного под'ема.

Но революция победит только тогда, когда восстанут города, когда во главе восстания пойдет пролетариат. Без помощи и руководства города крестьянские восстания могут быть подавлены генеральскими войсками.

Только под руководством пролетариата революция придет к победе.

Тревога

Из провинции Дзянси. Телеграмма.

Церкви иностранных граждан, полицейские учреждения, правительственные здания предаются огню. Сжигают имения помещиков. Богатые помещики изгоняются. Повсеместно происходит раздел земли.

„Норт Чайна Дейли Ньюс"

Внимание! Правительства иностранных держав должны обратить внимание на усиливающееся влияние коммунистов. Происходят возмутительные случаи отказа рабочих выходить на работу. Недавно произошел возмутительный случай в Тянь Пинь-дзяне: желтые варвары,науськанные коммунистами, отказались слушать проповедь достопочтенного Джекоба Пительдрепера и выгнали его из церкви. Мы получаем тревожные сведения о разрушении наших церквей и предприятий. Изгоняют миссионеров. Есть посягательства на имущество частных граждан. Правительства должны оградить безопасность наших семейств и нашего имущества, так как власть центрального китайского правительства ничтожна.

„Чайна Таймс"

...Что смотрит наше правительство? Оно не заботится о наших женах и детях. Наши предприятия в опасности. Лондон не знает о положении вещей. А местный консул только и знает клуб и усладительные напитки. Китай — дикая и некультурная страна. Здесь необходимы бомбы и пушки.

Нанкин Ньюс

Надо обуздать толпу, положить конец большевистской пропаганде, а затем мы уже будем толковать.

Сандей Таймс

Плохо живет китайский рабочий, но еще хуже живет китайский крестьянин. Он обрабатывает малюсенький клочок земли, который у нас едва ли назовут огородом. Он должен платить дань помещику и проценты ростовщику. Джентри— помещики, и тухао — ростовщики, впились своими острыми зубами в затылок несчастному китайскому крестьянину. Крестьяне мрут, болеют, бегут в города продавать свою дешевую рабочую силу или в армию наниматься к какому-нибудь генералу или бандиту. Разбойники в генеральских эполетах и без оных обирают нищее китайское крестьянство.

После нас хоть потоп

Осенью в северной части Хенани весь собранный хлеб конфисковали проходившие воинские части. Весь скот угнал генерал Лю Чжен-хуа.

Население уезда Манион Хубейской провинции каждый год страдает от наводнений. Особенно сильное наводнение было в прошлом году, когда десятки тысяч крестьян разбежались,—кто в солдаты, кто в бандитские шайки. Крестьяне живут очень бедно. Недавно туда пришел отряд под командой

Ху Фу-джо, который приказал своим солдатам вооруженной силой потребовать с населения 200 долларов. Прибыл второй отряд и потребовал одежды для 500 солдат и 300 долларов деньгами... Крестьян грабят, увозят в плен и отпускают только за выкуп. Кроме того, в уезде много бандитов, которые грабят население вместе с охранным войском.

От хунхуза до генерала один шаг

Нередки случаи, когда вожди хунхузов становятся генералами. Они захватывают какую-нибудь провинцию в свои руки, подчиняются какому-нибудь сильному генералу и обогащаются, немилосердно обирая народ. Известный маршал Чжан Цзо-лин в молодости был предводителем шайки разбойников-хунхузов.

Ремесло китайского бандита очень доходно. Маршал Чжан Цзо-лин имел в банке не менее 100 млн. долларов, Сун Чуан-фан—24 млн. долларов. Генерал Ли Чжу-лин за месяц господства в Тянь-Цзине собрал больше 10 млн. долларов. „Кропотливым" собиранием средств генерал Сан Шен-чи сколотил себе солидный капитал. В банке он держит 400 тыс. долларов. Он владеет землей в компании с несколькими буддийскими храмами и в то же время участвует в скупе земель с Орденом миссионеров. Он состоит акционером многих торгово-промышленных компаний, в том числе и в компании по содержанию кабаков в Чан-ша. Собирается создать свой банк. Другой генерал Лу Дзо-лун имеет несколько домов в Ханькоу, дом с усадьбой в Хуай-Джоу, до 100 кв. *ли* земли; он занимается скупкой земель у мелких землевладельцев, а затем сдает ее в аренду беднякам.

От беспрерывных войн, грабежа, стихийных бедствий население разоряется и вымирает. В Китае голодает 65 млн. человек. В Шаньси умерло от голода 2 млн. человек в Гань-Су — тоже 2 млн., а в Суйане более 1 млн. В 1929 г. голодало 1 093 уезда и 21 провинция. 300 голодных женщин и детей проданы и вывезены из Китая на рынок живого товара.

С одной овцы семь шкур дерут

С этого нищего населения правительство вымогает массу налогов. В провинции Шандунь власти ухитряются брать с населения 14 налогов за землю, в Цзянсу „только" 9, а в других не более 8. А население не имеет горсти риса на ужин и вымирает.

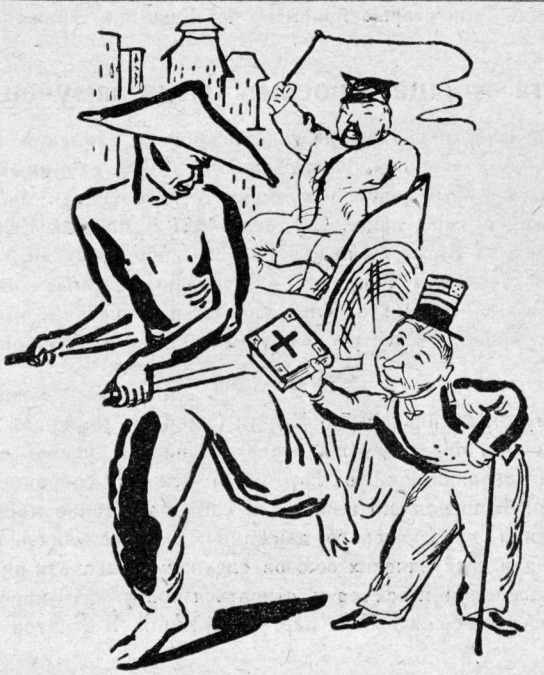
Деньги китайскому правительству очень нужны: нужно накормить всех чиновников, генералов, дать прибыль фабрикантам. Но главный расход — война. Все производства в Китае падают. Только производство мертвецов неуклонно растет. В 1911 г. военные расходы составляли 130 млн. руб., а в 1928 г. уже 800 млн. руб.

Давно уже китайские крестьяне стали сорганизовываться в тайные общества, которые устраивали суд и расправу над угнетателями. „Красные пики", „Длинные ножи", „Общество ворот небесного царства" пользовались громадной популярностью и уважением в народе, потому что народ видел в них своих защитников. Но эти таинственные общества были малочисленны и больше пугали своим именем, чем сопротивлялись властям. Разбойники-хунхузы больше приносили вреда самим же крестьянам, чем помещикам и генералам.

..Партизанское движение растет. Власти в панике. Власти бегут. Партизаны отбирают рис у помещиков и раздают голодающим. „Это возмутительно. Это недопустимо. Это

В большинстве районов расположения Красной армии создана советская власть. Советы организованы в следующих 18 районах:

Провинции	*Колич. уездов*	*ПРИМЕЧАНИЕ*
Цзянси	*7*	*Центром является Тонгу и Шу-сей. 30 000 чел. участвовало в выборных*
„	*6*	*собраниях.*
„	*4*	*Не все об'еденены, не во всех выбрана соввласть.*
„	*7—8*	
Фуцзян	*10*	*В 7 уездах выбраны городские советы.*
Хубей	*5*	*Район охватывает часть территории провинц. Хенань и Анхой.*
„	*9*	*Центром был прежде крупный промышленный район Да-е, теперь — Ян-си.*
„	*7*	*Положение не ясно, размах большой.*
Хунань	—	*Советская власть существует свыше двух лет.*
„	—	*Центр находится в районе Ничжан и Сиеж.*
Гуандунь	*4*	*123 600 член. крестьянск. союза, из них 17 200 женщин, центр — Фюн-шень*
„	*14*	*Центр в Хайфуне, до и после кантонск. восстания, около 6 мес. существовала соввласть.*
„	*4*	*Центр — Нан-Сюнь и Чжен-Хуа.*
„	*3*	*В 1928 г. советская власть заняла большую территоррию районов. Партизанское движение имеет небольшой размах.*
„	*3*	
Гуанси	*7*	*Создана соввласть в городах.*
„	*4*	*Уезды подверглись бомбардировке со стороны франц. интервентов.*



нарушение частной собственности," вопит Чайна Уикли Ревью.

Приказ шанхайского полицейского управления:

„Голодающие Хенани и Хубея, организовавшись в отряды, через Аньхуй идут в Цзянсу и по дороге вымогают деньги и хлеб, обижают купцов. Торговый городок Фан Кьян забастовал. Запретить переступать пределы уезда".

О хлебе насущном и хлебе духовном

Китайские кули мрут, как мухи осенью. А что делает христианнейшая Америка, где от хлеба ломятся амбары, где цены на хлеб так низки, что великолепной манитобской пшеницей топят паровозы? Что делают американские капиталисты? Прислали 25 тысяч молитвенников!.. Авось поможет духовная пища. Наконец забила тревогу американская интеллигенция, американские трудящиеся. Даже американским капиталистам стало несколько стыдно. Да и хлеба в своей стране слишком много. К концу 1929 г. прислали довольно большую партию пшеницы. И что же? Через несколько месяцев американская комиссия помощи шлет в Америку домой телеграмму: „Не посылайте больше ни копейки, все разграбили генералы, голодающим не досталось и грамма".

Партизаны были вооружены чем попало: копьями, вилами, мотыгами. Старики и старухи были разведчиками, дети — вестовыми. И все же эти почти безоружные части с помощью населения с позором выгнали генералов. Партизаны уничтожили поземельную собственность, ввели 8-часовой рабочий день и социальное страхование, упразднили чиновников и полицейских. Но первые советские республики продержались недолго. Нанкинское правительство в союзе с помещиками — джентри — подавило молодые советские республики.

Джентри — характернейшая фигура китайской деревни. Это не только помещик, это ходатай по делам, ростовщик, скупщик земель, член шайки бандитов, управляющий храмами, общественными землями, наконец „правитель" деревни, которая вся у него в руках. Джентри — злейший враг крестьянского движения, и крестьяне знают это. Вот постановление партизанского трибунала о казни одного из таких джентри: „Служащий административного управления уезда Ань Фу, Гуан-лин есть известный джентри. Раньше он в уезде был учителем школы. В это же время самовольно расхищал школьные деньги. Он участвовал также в паевом товариществе, содержащем гостиницу, и там же открыл игорный дом. Он вступил в Гоминдан, получил должность члена административного управления и, захватив власть, стал применять свои старые приемы... Фу Гуан-лин должен быть казнен".

Триста тридцать восемь тысяч замученных

Партизанское движение залили кровью. Уханский палач Ху Дзун-до заявил: „Лучше казнить 3 000 невинных, чем оставить в живых одного коммуниста". Сносились деревни, уничтожался скот, люди. С апреля 1927 г. по май 1928 г. в 12 провинциях Китая было казнено 397—568 крестьян.

„По деревням Гуандуна разгуливают черные отряды генерала Лю Чжень-хуа. Они уничтожают посевы, убивают детей и женщин. Расстреливают по 300 и более человек ежедневно".

Английская газета

Вечером 26 января Дю Чун-чи (джентри, имеющий связь с бандитами, председатель торговой палаты уезда) созвал все контрреволюционные группы и открыл собрание. На собрании было решено применять самые жестокие меры для подавления крестьянского движения: распространять невыгодные для крестьянских союзов слухи, подрывать к ним доверие населения и всячески стараться возбуждать крестьянство против их союзов и парторганизаций. В 8 часов утра 28 февраля он созвал около 100 чел. и приказал им ЛОВИТЬ И СЖИГАТЬ ПАРТИЙНЫХ. Они пошли в наступление на крестьянский союз, поймали инструктора Сен Цзы-лина, секретаря уездного крестьянского союза Син Мин-дзы, зав. орготделом уездного рабочего союза Ен Тун-суй и рабочего Ху Ден-хуа, которых избили досмерти, а затем, раздев донага, ОБЛИЛИ КЕРОСИНОМ И ПОДОЖГЛИ. Скоро после этого поймали начальника крестьянской самообороны Сы Юй-о, одного крестьянина и трех рабочих, с которыми поступили точно так же.

В уезде Ян-Сине 9 партийцев были обернуты ватой, облиты керосином и сожжены живыми, в Дзен-Ли джентри захватили 6 партийцев и отрубили им головы. В Секой убиты крестьянин и рабочий за то, что они носили оружие, затем убиты представители хубейского крестьянства, убиты агитаторы в Мачени.

Эта зверская расправа над восставшими крестьянами, эта классовая месть помещиков и капиталистов сыграла большую агитационную роль. Крестьяне узнали своих врагов.

Крестьяне ответили рядом восстаний. Правительство выслало карательные отряды. За укрытие партизанов — расстрел. За голову партизана платят 200 долларов. Левые и подозрительные крестьяне „случайно" убиваются. И несмотря на жестокости, правительство бессильно. Уезд за уездом становятся советскими. „В уезде Панден уже 2 месяца ни одного правительственного чиновника. Уездный город Иньян в руках повстанцев, в деревнях и ночью горят кузни. Это ремесленники куют оружие партизанам (шанхайская газета).

В 1930 г. в 33 уездах Хубея организовалась советская республика. Другая советская республика организовалась на юге в Гуанси. В 117 других уездах бушует партизанское движение. „За исключением чиновников, крупных торговцев и помещиков население радостно встречает коммунистов („Таймс"). Власть нанкинского правительства в провинции Хубей распространяется только на главный город Ханькоу и его окрестности. ИНОСТРАНЦЫ УВОЗЯТ ЦЕННЫЕ ГРУЗЫ, ЖЕН И МИССИОНЕРОВ. Южные гавани переполнены бежавшими помещиками и купцами. „В республике Хай-Лу фина (Хубей)—3 млн. населения и столько же в республике Чжоу-Женя (Гуанси) („Таймс").

К 5 мая в Китае было 13 красных армий, состоящих из 60 000 бойцов. Красные армии успешно отражают экспедиции нанкинского правительства и захватывают новые города и уезды.

Впереди всех идет четвертый корпус Чжоу-Де и Мао Цзе-Дуна. „Когда не было одежды, чтобы укрыться от холода, и не было пищи, чтобы утолить голод, эта армия все же не изменяла своему храброму, стремящемуся всегда вперед духу".

РЕСПУБЛИКА АРТИСТОВ

Л. Воронкова, которую ребята знают по переписке с редакцией, рассказывает в этом очерке о том, что случилось бы с нашим Союзом, если бы все жите и стали киноартистами и поэтами. Последствия были бы весьма печальные. Об этом не мешает знать тем ребятам, которые мечтают о славе и забывают о пятилетке.

БРЮКИ БЕЗ ПУГОВИЦ

ЗА ДЕСЯТЬ лет в городах произошли большие перемены. Появились громадные дома — клубы писателей, литфаки, литвузы... Выросли целые кварталы зданий с застекленными потолками и широкими подъездами.

Когда сотрудник редакции „Пионера" Брянцев возвращался из долголетнего путешествия в СССР, он думал: „Ну и двинул же, наверно, СССР пятилетку! Теперь там, наверное, уже зеленые города, всякие технические усовершенствования, фабрики..."

Но первое, что он увидел, были эти новые здания.

— Для чего предназначены они?— спросил он первого встречного. Тот вытаращил на него глаза.

— Как для чего? Неужели вы не знаете, что это кинотехникумы?

Брянцев немножко смутился. Он не мог уяснить себе, почему столько кинотехникумов.

Идя дальше, Брянцев заметил, что улицы плохо выметены, мостовые все в ухабах, имеют жалкий вид. Редкий автомобиль рискует по ним пробежать.

Подъезды кинотехникумов оживлены. Около одного из подъездов Брянцев встретил своего старого знакомого, бывшего деткора „Пионера", Бумажного.

Сердечно поздоровались.

— Ну как? — восторженно заговорил Бумажный,— каков СССР? Вы видите, как у нас растет культура?! Сколько кинотехникумов! А вот это — новый клуб писателей, а там дальше литфак. Я там даю уроки поэзии. А вот вы читали мои новые стихи?

Брянцев заметил, что Бумажный, разговаривая, придерживает рукой брюки, чтоб они не упали. Оказалось, что на них нет пуговиц, чтобы пристегнуть помочи.

— Почему вы не попросите пришить вам пуговицы? — спросил Брянцев.

Бумажный легонько крякнул:

— Нет пуговиц. Фабрики не работают. Нет сырья, и рабочие заняты выделыванием кинолент и киноаппаратов... Почти все фабрики переведены на эту работу.

ОТ ПЯТИЛЕТКИ МЫ ОТКАЗАЛИСЬ

Бумажный пригласил Брянцева к себе. Разбитое окно комнаты было завешено рубашкой. Стол накренился.

Брянцев хотел сесть на стул, но Бумажный поспешно предупредил его:

— Не садитесь сюда! Тут ножки нехватает.

Брянцев огляделся. Белые стены и кафели печки были исписаны стихами. В углу стояла лестница — очевидно, автор решил добраться и до потолка.

— Да объясните вы, в конце-концов, в чем дело? — закричал Брянцев.— Почему стихи на стенах?

— Неужели вы не догадались?— меланхолично ответил хозяин.— Мебель убога потому, что ее некому делать. Пишу на стенах потому, что у нас нехватает бумаги... Я еще счастливый — у других и белых стен нет!..

— Почему мебель некому делать? А что же делаете вы все?

— Как что? Пишем, читаем друг другу свои произведения, по очереди печатаемся, читаем лекции по литературе. Основная же масса населения учится в кинотехникумах, выступает на экране...

— А что же сталось с Днепростроем? Что в Криворожьи? Что в Донбассе? Как вообще пятилетка?

Бумажный отвел глаза в сторону.

— От пятилетки мы отказались... Ее некому выполнять. Для чего Криворожский завод, для чего Магнитогорский, для чего вообще эти заводы, если на них некому работать? Днепрострой тоже не достроен. Впрочем это меня лично мало касается: я не инженер, а писатель и занимаюсь только чистым творчеством.

— Как! Угробили пятилетку! — завыл от ярости Брянцев и, не помня себя, выбежал из комнаты.

Только дома Брянцев немного успокоился. Сел и стал раздумывать, почему получилась такая история. Тщательно перебирал в памяти события, происходившие еще до его отъезда из СССР. Вспоминал свою работу в „Пионере"...

И тут его осенило.

Письма!...

Он достал чемодан, в котором хранились письма деткоров 1929—1930 годов.

Мос овые все в ухабах.

Так как электричество было испорчено и не находилось монтера, чтобы его поправить, Брянцев зажег свечной огарок и стал перечитывать старые письма.

„МЫ ХОТИМ БЫТЬ КИНОАРТИСТАМИ"

Ребята писали о том, кем они хотят быть. Вот письмо из села Молчановки, Нижне-Волжского края, от Виктора Адаменко:

...„Не можете ли вы дать мне адрес кинотехникума? Я хочу быть киноартистом".

Другое — из Бузулука, от Ильиной:

...„Я очень и очень желаю быть артисткой и имею к этому талант и пристрастие. Убедительно прошу редакцию дать мне адрес кинотехникума. Разве дети рабочих не могут быть киноартистами?"

Вот из Твери, от Кежуна:

...„Я хочу быть писателем, потому что эта работа меня очень интересует и я люблю писать... Я определенно решил быть писателем и буду им!"

Письмо Журавлева из села Инжвавино, Тамбовского округа. Он хочет быть поэтом и заявляет об этом не иначе, как в стихах, что и подобает поэту.

Я цели добьюся
И буду поэтом!
Ведь я не ленюся.
Учуся при этом..
...Невзгоды, бесправье
Мне будут при этом,
Но все перейду я
И буду поэтом... и т. д.

Петя Скворцов пишет так:

„Я кончу 7-летку. Мне придется итти в какой-нибудь техникум. Но у меня нет желания итти в другие техникумы, кроме... кинотехникума. Хочу быть киноартистом".

Брянцев приостановил чтение. „Неужели все такие же?" подумал он. И вдруг обрадовался — в следующем письме он увидел что-то новое. Это было письмо из Донбасса, из Сталинской шахты, от деткора Бочарова:

— Не садитесь сюда!..

„Хочется мне выучиться на инженера-механизатора. Я думаю этого добиться для того, чтобы в нашей стране не было кризиса на советских ученых-спецов. Я хочу заменить тех, кто у нас в СССР срывает стройку социализма, как, например, СВУ. Я желаю быть твердым пролетарским инженером. Я буду бороться со всякими трудностями пятилетнего плана!"

Брянцев просиял: „Ага, значит и строители есть!"

Ну-ка, может быть, в следующем письме еще инженер? Но после первых же строчек лицо Брянцева вытянулось от разочарования.

Письмо с Дона, из станицы Константиновой. Пишут две девчины — Вера Манойлина и Вера Коваленко:

„Мы посылали письма в кинотехникумы..."

Руки Брянцева опустились: „Вот тебе и инженер!" Но все же продолжал:

„...писали также и киноартистам. Но все напрасно. Может быть, им некогда или они не хотят с нами возиться... Мы хотим быть киноартистками!.."

Брянцев сидел чуть ли не до зари, перечитывая письма. Многие из них были похожи одно на другое: „Хочу быть писателем, хочу быть киноартистом..."

Тогда Брянцев все понял.

— Увы, — сказал он, — их желания исполнились, — и горько заплакал.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ЭТО БЫЛО

Нет, ребята, этого не было. Но это может быть, если мы нашей стране, требующей инженеров и агрономов, больше, чем следует, будем предлагать киноартистов и поэтов. Кто читает регулярно наш журнал, тот помнит письмо Шуры Климовой. Шура писала, что хочет быть киноартисткой, хочет быть известной, иметь богатую квартиру и т. д.

Подавляющее большинство ребят осудило Шуру Климову. Приходило очень много писем, в которых ребята возмущались мечтами Шуры. Шура осуждена бесповоротно. Но...

Среди ребят еще есть такая прослойка — очень тонкая и небольшая, правда, но все-таки есть. Пионеры, мечтающие о богатстве и славе, пионеры, из-за личных удовольствий забывающие о строительстве, пионеры не интересующиеся тем, кого требует пятилетка — такие пионеры еще есть.

КОГО ЖЕ НАДО ПЯТИЛЕТКЕ

Но кого же надо пятилетке?

Бросим беглый взгляд на СССР.

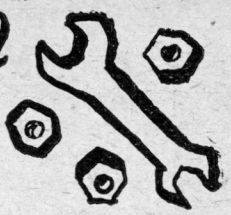
...Вот стеклозавод с 50-метровыми трубами, выросший возле глухой станции Чагоды. Здесь работают заграничные машины „Фурко".

...Вот Днепрострой, поднявший свою плотину на 37 метров над водой. Здесь заграничные усовершенствованные прессы, крупповские камнедробилки.

На очень многих наших фабриках и заводах — заграничные машины.

(Окончание на 17 стр.)

ДОРОГА НА ЗАВОД



НАДО УМЕТЬ ТЕОРИЮ ПРИМЕНЯТЬ НА ПРАКТИКЕ. КЕМ ОНИ ХОТЯТ БЫТЬ

ЛЕНИНСКАЯ слобода. На ее окраине новое здание.

Нет привычной вывески: „9-я школа Пролетарского района". Вместо нее лозунг: „Даешь мировой Октябрь".

Окончивший школу получает квалификацию рабочего-инструментальщика.

Школе всего только два года.

Еще недавно не было законченных программ учебы и работы в мастерских, часто сменялись инструкторы. Дело было новое.

Сейчас школа имеет прекрасно оборудованные мастерские (столярная, слесарная и токарная), с достаточным количеством станков и инструментов.

У входа в каждую мастерскую висят табеля с марками так же, как на заводе. Марку надо снимать во-время. Не снимешь—прогул или опоздание.

В слесарной и токарной мастерских работать начинают с 8-й группы, а 6-я и 7-я работают в столярной.

Первые навыки работы приобретаются коллективно. По команде инструктора все делают одно и то же движение (взмах молотком, движение напильником по металлу). Надо научиться владеть инструментами и правильно держаться во время работы.

Мастерские берут заказы на целые партии французских ключей, плоскогубцев, циркулей, измерителей или берут ремонтировать станок, машину.

Заказы бывают очень сложные и ответственные. Вся работа проходит под строгим контролем инструктора.

— Наша школа мне нравится,— говорит один пионер-шестигруппник,— и я ее очень люблю, потому что из нее я пойду работать слесарем на заводе и буду членом профсоюза.

Сознание, что после окончания школы становишься вполне самостоятельным человеком, заставляет серьезно и добросовестно относиться к делу.

ОЧУТИЛИСЬ БЕЗ „НЯНЬКИ"

После того как учащиеся кончают 9-ю группу, они идут на несколько месяцев на завод на практику.

Работа на заводе требует многолетнего опыта, умения самому разбираться в сложных вещах.

Работа в мастерских несравненно легче. Чего-либо не знаешь — спрашиваешь у инструктора. А на заводе не у кого спрашивать. У мастера дела по горло.

Думали, что на заводе тоже будут учить, а оказалось, что надо все самому соображать.

Ответственную работу ребятам не стали давать. Это не понравилось.

— Почему мастера на нас мало обращают внимания? Почему нас гайки ставят нарезать? Почему на заводе некому нас учить?

КОНФЕРЕНЦИЯ

Председатель. Открывая конференцию, на которой присутствуют мастера, практиканты рабочие и инструкторы, мы должны разрешить один вопрос: что ребята получили за это время на практике и как должна протекать дальнейшая их работа на заводе?

Один из ребят. Товарищи! Дали мне работу очень-очень легкую. Например, личневка пластинок. Эту работу я и без того умею делать, а вот дали бы мне сложную работу и помогли бы в ней разобраться. Тогда бы я чему-нибудь научился.

Мастер. Был у меня случай. Взял я двух рабочих станок восстанавливать. Рабочие квалифицированные. Поставили они, все честь-честью сделано. Но только они не учли, что в этом самом месте, где стоит станок, будет проходить люлька от подъемного крана и будет она цепляться за станок.

Квалифицированные рабочие, видишь, не учли. А ты хвалишься, что умеешь делать личневку пластинок. Ведь эта работа точная. Прежде чем пустить в производство каждую пластинку, ее будут измерять микрометром (прибор, измеряющий до 0,01 *мм*). Много времени еще нужно, чтобы ты как следует сумел сделать эту работу. Не так уже легко, как тебе кажется.

Второй из ребят. Что мне за работу дали? Она не подходит к моей квалификации. Где это сказано, чтобы мы гайки нарезали?

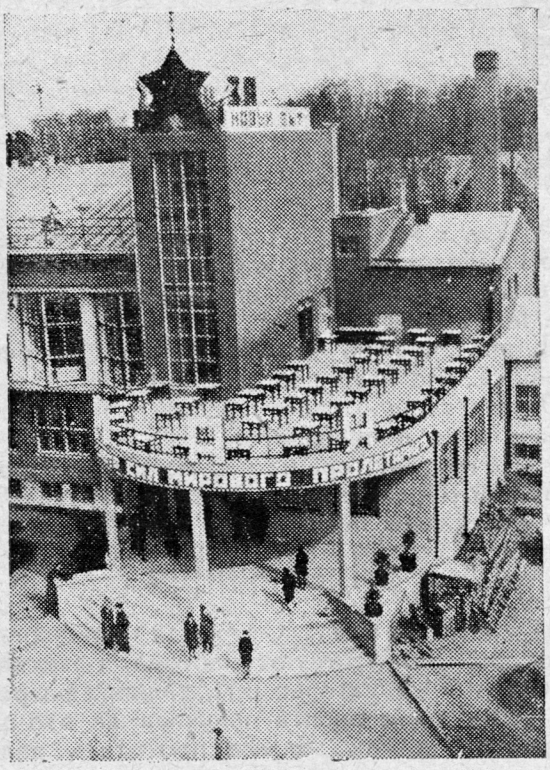
Другой мастер. Вы, молодчики, особенно не горячитесь. Плохо ты еще завод знаешь. Побольше присматривайся и получше соображай. Каждый завод имеет свой план. Например, надо выпустить 50 контролеров (машина для управления трамваем), а для контролеров необходимо нарезать 15000 гаек. А план выполнить надо.

(Окончание на стр. 15)

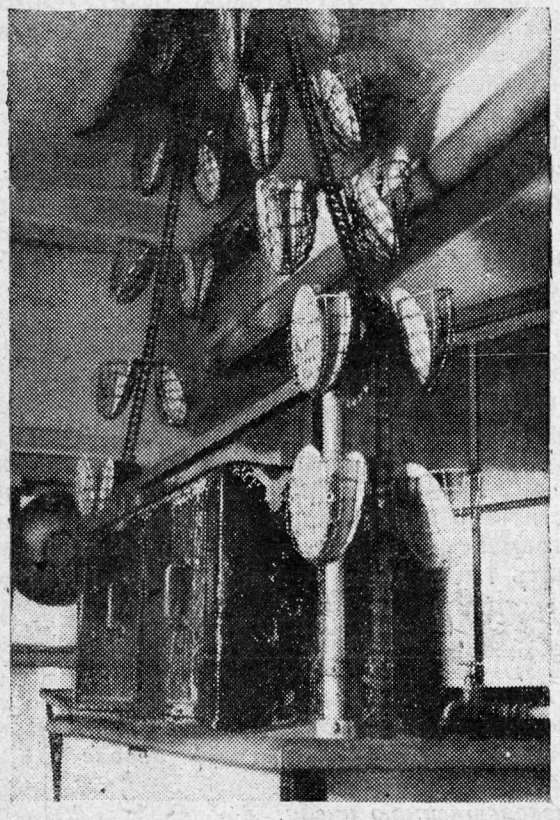
Сейчас школа переходит на политехнизм. При многих школах устраиваются мастерские, в которых ребята получают производственную практику.

Здесь мы помещаем очерк об одной из таких школ — о школе при заводе „Динамо".

Напишите нам, как вы переходите на производственную учебу.



Общий вид новой Орехово-Зуевской фабрики, открытой 2 мая, с пропускной способностью 10 тыс. обедов в день



Механизированная мойка посуды.

КУШАЙТЕ НА ЗДОРОВЬЕ

КОГДА заблудившийся путник почует запах дыма, он знает, что близко жилье человека. Дым — знак огня. Огонь — признак очага. Очаг — центр жилья. От очага, от пещерного костра зародилось человеческое жилище.

Человеческое жилье росло вверх и вширь. С его ростом очаг отодвигался на задний план. Он перемещался от парадного хода к черному. Главному огню отвели место в задней комнате, в кухне. Кухню взяли под свою усатую опеку тараканы. Пауки начертили в воздухе кухонных углов географические карты паутинными меридианами. Кухня стала изнанкой дома. Ведь с улицы ее не было видно.

Помои преют в ведрах. Половником вылавливают утопающих в супе тараканов. Под полом идет писклявая возня крыс. Чад, угар, прогорклая жара ест глаза. Шум примусов сливается в грохот. Стараясь перекричать его, ссорятся хозяйки... Грязь, смрад, ад...

Революция быта не входит с парадного хода. Она проникает с черного крыльца. Перестройка начинается с кухни, где еще толпятся в копоти советские женщины, домашние работницы, хозяйки, наши матери и сестры. Уже давно наступило время освободить их.

Новые формы жизни могут быть утверждены последним словом техники. Революция, вооруженная социалистической техникой, крепко взялась за кухню.

★

Новую кухню отлично видно с улицы. Новая кухня занимает большой и светлый трехэтажный дом. Дом этот специально выстроен для кухни. Он называется фабрикой-кухней. В Москве недавно открылась такая фабрика завтраков, обедов и ужинов. Каждый проголодавшийся может зайти на фабрику-кухню, за небольшую плату отлично позавтракать, пообедать или поужинать.

Войдя с улицы, попадешь в большой вестибюль. Надпись заявляет четким почерком: „Товарищи, оставляйте здесь верхнее платье. Гардероб бес-

платный". Сняв пальто, многие идут помыться перед обедом. Для этого под вестибюлем устроены великолепные умывальные. Горячая и холодная вода плещет в белые раковины.

Наверх, в обеденные залы, ведут три широкие лестницы. На средней площадке каждой из них стоит большой ящик со столовыми приборами. Каждый подымающийся наверх вооружается здесь до зубов, вернее, для зубов: он получает нож, вилку и ложку. Заплатив в кассу и получив талон, обедающий, бряцая оружием, идет за кушаньями.

Залы огромны. 1450 человек могут сразу пообедать в нем. Свет безудержно хлещет через громаднейшие окна — не окна, а целые стены из стекла.

Столиков так много, что всегда есть свободные, и не надо стоять в очереди над душой у обедающего. Обед тоже получаешь сразу, почти без очереди. Кушанья подаются снизу, из горячих цехов фабрики на подъемной машине. У каждого подъемника есть телефон. Сверху просят:

— Вы слушаете? Суп кончается и баранины еще надо. Давайте!

Снизу отвечают:

— Есть такое дело. Даем... тысячу раз суп, баранина двести раз.

Супы и баранина ставятся в лифт и скользят наверх. Там они вынимаются и ставятся на так называемые мармиты. Мармиты подогреваются горячим паром. Обед на мармите никогда не остынет.

Когда обед съеден, подходят работницы и убирают грязные тарелки. И вот в нескольких углах зала творятся чудеса. Грязные тарелки подвешиваются на конвейер и исчезают сквозь пол. А из другого отверстия в полу одна за другой восходят ослепительно чистые тарелки.

Так обедают на фабрике кухне. После обеда можно выйти на крышу полюбоваться видом, подышать свежим загородным воздухом. Если холодно, то к услугам вашим открыты большие и вместительные комнаты отдыха. Здесь играют в шахматы, читают, слушают радио и переваривают.

Но самое интересное происходит внизу, в горячих и вкусных цехах фабрики-кухни.

Это, действительно, самая настоящая фабрика, оборудованная замечательными и хитроумными машинами. Штат этих машин на фабрике очень велик. Машины-грузчики разгружают автомобили, привезшие продукты. Они волокут вниз, в кладовые, громадные туши мяса. Машины-весовщики сами взвешивают их и отмечают вес. Машины-кладовщики заботятся, чтобы продукты не протухли. Они изготовляют искусственный лед. У них есть помощники — машины-мороженники, которые могут делать маленькие аппараты, чистящие картошку, заботливо снимающие кожуру с фруктов, выдавливающие косточки из вишен.

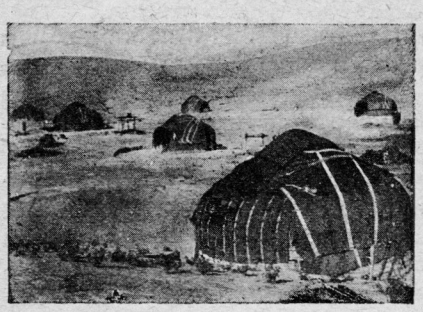
Суп варится в 22 больших и белых котлах. На блестящих крышках этих котлов дежурят маленькие приспособления, которые следят за кипением супа и сейчас же сообщают об этом рабочим. Снаружи котлы холодны. Рабочие — повара — так же белы, как и сами котлы. Огня не видно. Котлы согреваются паром. Трубы из котельной гонят сюда горячий пар по красным трубам. Отработавший свое пар возвращается по синим трубам. Красные и синие трубы в центральном парораспределителе очень похожи на артерии и вены, как их изображают в анатомических атласах.

Только жаркое готовится на настоящем огне. Гудят форсунки широких низких плит. Нефть поддерживает огонь. Вокруг плит сверкает чистота кафельного пола. Вентиляторы шумно изгоняют чад. И так не похожи на истыканные ножами, замытые и обскобленные кухонные столы длинные мраморные столы фабрики кухни.

Существует на фабрике еще много машин. У каждой из них свои сложные обязанности. Одни машины неутомимо месят тесто, другие протирают клюкву сквозь сито, третьи — моют в кипятке тарелки, эти делают колбасу, те — сами режут хлеб и т. д.

24400 обедов может сварить в день фабрика-кухня. Только 6000 из них предназначены для верхних обеденных зал. Остальные обеды в маленьких медных теплохранилищах, в термосах, развозятся по городу. В районных отделениях фабрики кухни каждый может получить за 45 и 30 копеек свежий, горячий обед. Кроме того, в здании фабрики-кухни имеется совсем особый магазин. В нем продаются сырые обеды. Каждая хозяйка может купить здесь готовую, но еще не изжаренную котлету, протертую морковь или еще что-нибудь. Дома ей ничего не будет стоить в несколько минут, без всякой возни, зажарить и доварить эти полуфабрикаты. И — кушайте на здоровье!

Но чтоб совсем вывести это дело на парадное крыльцо, чтоб окончательно освободить советскую женщину от кухни, нужны дальнейшие шаги с черного хода. Нужны пищевые комбинаты, гигантские объединения с мясными, консервными, гастрономическими и прочими заводами. К концу пятилетки такие фабрики кухни будут кормить СССР.



ВОДА В ПЕСКАХ

ВОСЕМЬ месяцев в Таджикистане печет солнце и в жаре изнемогают все живые существа; изнывают даже верблюды. Рек там мало, дожди выпадают осенью, а летом долгие восемь месяцев царит невероятная сушь.

Казалось бы, такая страна должна быть бесплодной. Как растение может прорасти на такой земле?

Но выход нашелся — искусственная поливка.

Ото всех рек в глубь безводных пространств прорывают большие каналы — арыки. Главные арыки на своем пути расчленяются на более мелкие канавы. Те, в свою очередь, ветвятся дальше. По бокам арыков насыпают земляные валы и сажают деревья. Они образуют тенистые места. Так лучше сохраняется влага.

Но как же пригнать воду на поля, расположенные выше, чем река или главный арык?

Это препятствие не трудно устранить. Строят большое, нескольких метров диаметром, колесо с прицепленными по краям черпаками. Такое колесо называется «чигирь». Чигирь ставят так, чтобы нижние черпаки захватывали воду в реке или арыке. Наполненный водой черпак при вращении колеса подымается вверх и выливает воду в желоб, откуда вода уже весело бежит по вышележащим арыкам. Колесо вращается посредством зубчатой передачи, силой буйвола или верблюда.

Поливка производится перед посевом и после него, насколько раз в лето, смотря что посеяно. Для этого в земляных насыпях открывают специально устроенные отверстия, и вода заливает поля.

Благодоря орошению Таджикистан не бесплоден; Таджикистан—цветущая страна. Сухой, жаркий климат, очень плодородная и в меру пропитанная влагой земля — именно это и нужно пшенице, хлопку и тутовым деревьям.

Но странное дело: до революции, хотя климат был тот же, что и теперь, в стране царило опустошение.

Оказывается, нужно еще что-то, чтобы рос хлопок и зрела пшеница.

ПРОДАННАЯ ВОДА

Было такое дело.

К бухарскому эмиру приезжали купцы и, поцеловав жирную ручку, говорили:

— Рек у нас мало. Ой, как дорога влага! А мужик разве ее ценит? Дай нам, эмир, главный арык. Мы будем бережно отпускать воду крестьянам, и твою казну, эмир, наполнит тяжелое золото.

Эмир гладил бороду и вкусно отрыгивал пищу.

— Берите, о баи,—говорил он,—владейте, обогащайтесь. Пускай страна процветает.

Купцы выкачивали деньги из народа и с огромными барышами для себя вносили эмиру аренду.

Но где взять денег бедняку, чтобы платить за воду?

— У меня нет денег,— говорил он купцу.

— Тебе нечем платить? Ну, так иди, жди дождика. У меня ты воды не получишь,— кричал байкупец.

— Мои посевы погибнут. Разве можно дождаться дождя? Дети мои умрут от голода. У меня больна жена. Мой верблюд издох. Дай воду, я отдам тебе деньги после жатвы.

— Вон! — кричал купец.— Нет воды!

И слуги выбрасывали бедняка в пыль, и пшеница сгорала на сухих полях.

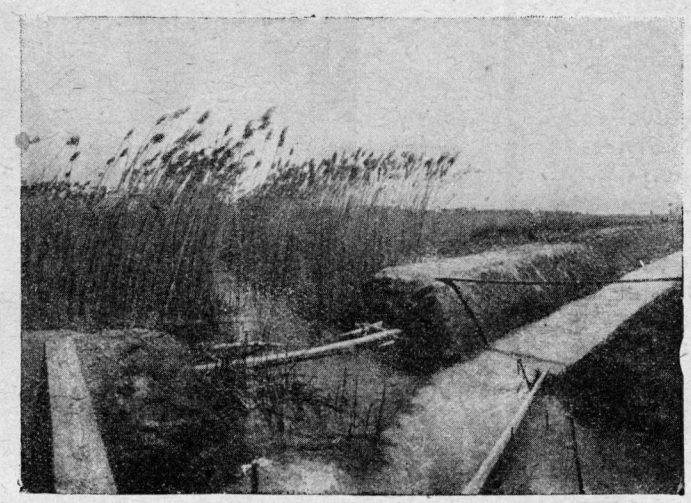
Но еще хуже бывало, когда бай предлагал отработать плату за воду. Непосильная работа валила с ног человека. По восемнадцать часов в сутки работал бедняк и все же не мог отработать свой долг. Бай начислял огромные проценты. Долг рос, и крестьянин превращался в раба.

Бедняки поднимали восстания.

— Долой баев! Дайте нам воду! Мы хотим есть свой хлеб,— кричали они.

Тогда купцы, трясясь от страха, бежали к эмиру и говорили ему:

— Отец, бунт! Мужики хотят отрубить наши головы. Кто тогда будет торговать? Твоя казна опустеет. Ты не сможешь есть тогда жирный плов. Дай нам солдат. Защити наши ценные головы.



В глубь безводных пространств прорывают большие каналы—арыки.

Эмир слал русскому царю гонца: «У нас бунт! Мятежники не дают есть нам жирный плов. Они грозят и вашему величеству. Свои силы не благонадежны. Шлите войска».

Тогда на Таджикистан опускалась тяжелая лапа царя. Царские лакеи и прихвостни громили страну, разрушали деревни, кололи скот, убивали женщин, детей, стариков. Люди дрались отчаянно. Но враг был сильней. Остатки измученных людей бежали в горы и гибли там от голода. По всей стране горели пожары, и вода в арыках краснела от крови.

В 1922 году все это кончилось раз навсегда. Установилась советская власть, зазеленели поля, скот пошел в горы на пастбища. Таджикистан, как зверь после битвы, стал залечивать свои раны.

БОЛЬШЕ ХЛОПКА!

Всему Союзу нужен хлопок. Без него нам пришлось бы ходить голыми, потому что все ситцы, миткали и остальные хлопчатобумажные ткани сделаны из хлопка. Своего хлопка нам нехватает. Его еще слишком мало сеют. Бешеные деньги мы платим за границу за хлопок, а у нас своего может вызревать вдоволь. Давайте сеять больше хлопка! Давайте делать ситец из своего хлопка! Долой заграничный товар, раз может быть у нас свой!

И что же — хлопковые посевы увеличились по сравнению с довоенным уровнем почти в два раза.

Шелководство увеличилось втрое.

Крестьянские хозяйства организуются в коллективы. В этом году насчитывается уже 250 коллективов. Выросли четыре крупных совхоза. А к концу пятилетки коллективы объединят 50 000 крестьянских дворов.

До революции в Таджикистане, смешно сказать, не было плугов.

— Плуг,— говорили баи,— роскошь. Людям будет работать слишком легко, у них освободятся руки. А свободные руки потянутся к нашим шеям. Нет, Таджикистану плуги не годятся!

Революция прогнала баев и дала крестьянам плуги. В прошлом году плугов было 2 000, а в 1930 г. их 10 000. А на подмогу плугам бегут 350 новеньких тракторов.

Растет таджикистанская промышленность и культура. Выстроены хлопкоочистительные заводы, мельница, электростанция, завод по переработке сухих фруктов. Растут новые города и селения. Строятся школы, театры, клубы.

— Через три года,— говорят таджикистанские пионеры,— нельзя будет узнать нашу страну. Мы в четыре раза увеличим посевную площадь хлопка и в пять раз ее товарную продукцию.

И мы верим таджикистанским пионерам. Они сделают то, что говорят.

— Таджикистан растет. Он крепнет. Пора ему стать самостоятельной республикой.— Так заговорил таджикистанский народ.

И верный исполнитель его воли, с'езд советов Таджикистана к этому присоединился. На последней сессии ЦИК постановлено: присоединить Таджикистанскую Союзную Республику к дружной семье Союза.

Таджикские пионеры, ваша страна самостоятельна. Силы ваши огромны. Нажмите все кнопки, напрягите все мускулы, пустите страну в работу полным ходом.

Ал. Письменский

ДОРОГА НА ЗАВОД

(Начало статьи на стр. 11)

Третий из ребят. Работа меня совершенно не удовлетворяет, учиться нечему и спросить некого. Завод не знает, кто такие мы, а мы не знаем, что такое завод.

Мастер. Вы действительно не осознали, что такое завод и условия его работы. Учиться работать вы должны у себя в мастерских, а на заводе надо работать, выполнять план.

Слово получает инженер:

— Отношение у вас такое к работе, что „мы вот все знаем". А знать вы будете лет через десять, и то не все. Только приобретая долголетний опыт практической работы на заводе, вы сможете быть хорошими квалифицированными рабочими.

НА ЗАВОДЕ „ДИНАМО"

Инструктор Зуйкин водит меня по заводу:

— Вот это наш,— показывает он мне парня, внимательно рассматривающего чертежи.

Мы подходим. Зуйкин спрашивает, как у него дела идут.

— Да вот видишь, делаю разметку, а чертежи читать как следует не умею. Не знаю, почему это зачерчено косыми линиями.

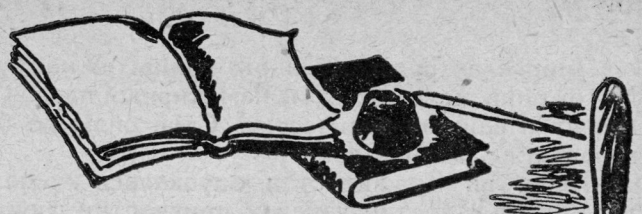
— Вот учись соображать. Как сам дойдешь, так уж никогда не забудешь.

Ребята два года проработали в мастерских. Работали они через день по четыре часа, под наблюдением инструктора, и проходили еще специальные предметы по своей квалификации.

Оказывается, мало знать только одну теорию и уметь работать под руководством инструктора. Надо уметь свои теоретические знания применять самостоятельно на практике. Это „азбучная истина", которую ребята не знали.

Яков Файншмидт

СЛУШАЙ товарищ ПИСАТЕЛЬ!



Редакция „Пионера“ открыла на страницах журнала диспут о детских книгах. Очень много откликов получили мы от ребят, от библиотекарей. В этом номере журнала мы помещаем те требования ребят, с которыми они обращаются к товарищам писателям.

6. Наша литература наводнена неправдоподобными героями, которых фабрикуют всякие Ауслендеры и Остроумовы. Правда, есть несколько хороших детских писателей — это Кожевников, Пантелеев и Белых. Но беда в том, что этих писателей мало. Прочтешь „Республику Шкид“, а дальше некуда. Если книги перечисленных писателей действительно сокровища, то остальное — дрянь. Почему же это?

По-моему секрет в том, что нашу детскую литературу в большинстве своем делают всякие проходимцы, а „большие“, „маститые“ писатели воротят от нее нос, предпочитают писать „серьезные вещи“ для взрослых. Нужно двинуться в поход за книгу, нужно притянуть все писательские силы к созданию хорошей книги. Советский писатель, помимо всего, и общественник. Он должен помочь, должен откликнуться на зов десятков тысяч ребят-читателей. Хватит сказок о „Макарах-Следопытах“! Дайте книжку о сегодняшнем дне, книжку о нас, загляните в жизнь отряда и школ. Вы наберете уйму материала и тем.

Первый опыт сделал Кожевников „Демидом Шапкиным“, опыт не совсем, правда, удачный. Продолжайте это дело, товарищи писатели! Такую книгу, правдоподобную, прочтут и взрослые. Наша жизнь для них еще не совсем знакома.

Деткор Яша Хелемский

г. Киев

2. Я читаю „Пионер“ с 1927 г. Удивляюсь, почему наши писатели боятся писать для нас в нашем единственном журнале. В библиотеках всегда найдешь книги про норвежских свэнов и т. п., героев „золотого детства“. А если найдешь мало-мальски сегодняшнюю книгу, то в ней герой „Макарка-Следопыт“. Товарищи писатели, не брезгуйте нашим журналом, давайте повести, рассказы и отрывки из своих вещей.

Е. Цитович

Крым
Пионерка 7-го отряда

★

5. Вопрос о детской советской книге является самым злободневным.

Почему?

Да только лишь потому, что мы еще читаем ненужные, порой вредные нам книги. Кроме того, нужно отметить, что пролетарские писатели мало уделяют внимания этому вопросу. Они все еще продолжают писать для взрослых. А нужной советской книги еще нет.

Писатели должны прислушаться к голосу ребят и дать такую книгу, которую от них требуют. Это наш общий заказ.

Н. Маслов

1. Писатели должны писать очерки и повести из нашей собственной жизни, о нашей будничной работе. Можно пуститься в утопию, показать жизнь ребят и взрослых при социализме.

Деткор Д. Скворцов

г. Харьков

3. Я приветствую диспут журнала „Пионер"— „Какие нам нужны книги". Товарищи писатели! Перестаньте нас кормить безумным трюкачеством. Довольно халтурить. Детская советская книга должна изобразить жизнь детей в бурное время социалистического строительства. Покажите, как ребята участвуют в социалистическом строительстве, насколько ребята отошли от мещанства и от индивидуализма.

Саратов *Н. Маслов*

4. Правда, наша страна еще „молодая", и поэтому нет еще много „детских писателей", но для нас книжки есть. Например, Неверова „Ташкент-город хлебный". Это хорошая книга. Нам нужны такие книги и такие Неверовы. Книг о социалистическом строительстве еще мало, поэтому лучшие советские писатели должны нам, как будущему поколению строителей, помочь и писать для нас такие книжки.

БССР *Лен. Завет*

★ ★ ★

ТОВАРИЩИ ЧИТАТЕЛИ!

Редакция в следующем номере даст ответы писателей. Нами сейчас проводится опрос писателей взрослой и детской литературы. Ответы на поставленные вами вопросы вы получите в очередном 18-м номере журнала „Пионер". В ближайших номерах будут помещены требования ребят к издательству и к библиотекарям. Присылайте ваши предложения, описывайте факты, которые вы знаете и которые наблюдали. Ждем ваших писем.

Редакция журнала „Пионер": Москва, Новая пл., 6/8.

РЕСПУБЛИКА АРТИСТОВ.

(Начало статьи смотри страницу 10)

Этого не должно быть. Мы должны сами строить эти машины. Спецов-машиностроителей требует пятилетка.

Всю механическую работу ведут машины. Но машинами нужно управлять. Тут нужна уверенная, квалифицированная рука и светлая голова. Командиров производства требует пятилетка.

Харьковский тракторострой еще не отстроился. Еще не оборудованы цехи. Еще серый брезентовый шатер там, где должна быть силовая установка. Еще мешают цемент... А колхозы уже требуют тракторов, уже шлют деньги и заявки на тракторы.

И еще больше требований и заявок предъявляют колхозы нашим агрономическим техникумам и институтам. Требуют агрономов. Требуют химиков. Требуют животноводов, организаторов, трактористов, экономистов... Квалифицированных, крепких сельхозработников требует пятилетка...

Чтобы показать эту грандиозную социалистическую стройку на экране, нам нужны и работники кино. Но неизмеримо больше нам нужны сейчас агрономы, техники, инженеры. 770 тысяч человек требует индустрия 270 тысяч человек — сельское хозяйство, 180 тысяч экономистов, 80 тысяч инженеров, 120 тысяч техников — вот кого в первую очередь требует пятилетка.

Все ли знают об этом? Все ли откликнулись на зов великой пятилетки?

Ребята! Это — ударный, срочный заказ, и мы должны его выполнить!

Теперь мы ставим на повестку дня вопрос о школе, которая дает этих людей.

Наша школа должна дать нам трудовые навыки и посылать на заводы не робких белоручек, боящихся машин, а настоящих работников — хозяев производства.

Л. Воронкова

★ ★ ★

КТО ВИНОВАТ?

Ребята! В № 14 „Пионера“ было помещено письмо: „Что мне делать с моим сыном“.

Редакция просит читателей обсудить это письмо и присылать свои замечания.

Кто виноват по-вашему?

Статья КУЗЬКИ

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ! После того как мои фантастические приключения не понравились „Пионерской Правде“ и некоторым нашим читателям, редакция решила посадить меня на работу с деткоровским материалом. Правда, сижу я недолго, но думаю, что если так будет продолжаться, то скоро и совсем смоюсь, уйду с этой работы.

Расскажу и опишу все по порядку. Как вам известно, я теперь редактирую „Стенгаз—острый глаз“. Взялся за редакцию „Кто виноват?“ В общем беру на себя весь самый серьезный и разоблачительный материал.

Правда, теперь надвигаются отпуска, вся редакция намечает маршруты и планы, а я сижу и молчу. Подходит ко мне писатель Евдокимов, такой большой, тяжелый дядя, тот самый, который написал книгу „Колокола“, тот самый, который написал и теперь по моей просьбе издает у нас книгу „Медведи“ для ребят, и, наконец, тот самый, которого мы, вся редакция и пионеры Бауманского района больше всех полюбили. Подходит он ко мне и говорит:

— Товарищ Кузька, что, дружок, невесел, что голову повесил?

Я и отвечаю:

— Как же? Я взял шефство над разоблачительными заметками деткоров. Решил все пропускать, а вот теперь столько их, что ежели мне ехать туда, то те, кого я разоблачу, мне бес
пременно свернут шею. Ведь в каждом городе у меня теперь враги, так что пропадать мне этим летом в Москве, в пыли, и не видать мне этим летом света.

Даже слезы обиды на глазах навернулись.

— Да, да-а,— промычал только Евдокимов, а сам, вижу, смеется в душе надо мной.

— Что да-а?— чуть не вспылил я.— Вон пионерка Е. Цитович, та самая, которая к вашему брату писателю обращалась, пишет:

„Кузькины разоблачения или вообще его приключения редакция должна печатать дальше“.

Ей хорошо. Она живет в Джанкое, в Крыму, сейчас, наверное, в своем седьмом отряде на сборе, а мне здесь в Москве пропадать.

А писатель Евдокимов и говорит:

— А если ты поедешь в Крым, то, значит, там защитница есть. Ведь она пионерка, ведь ты тоже пионер. И в каждом городе все ребята, которые писали разоблачительные заметки вместе с пионерами, всегда тебя будут защищать.

— Товарищ Евдокимов, дайте вашу руку. Вы хороший человек. Вы обязательно будете детским писателем, если всех нас и меня будете понимать.

И так я обрадовался, что решил твердо защищать интересы ребят, помогать отрядам и школам и разоблачать всех бюрократов и головотяпов, невзирая на лица.

Сегодня я составляю отдел „Кто виноват?“ Вспомнил я письма, которые пропустил в № 14, и подумал, а подумавши написал вам следующее:

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Давно пора нам перестать смотреть на журнал, как на что-то страшное. Пишите все, как вы живете, как с вами обращаются родители, как к вам относятся товарищи, как отряд помогает отдельным ребятам, таким, как Лена Волхвичева, не бойтесь, не стесняйтесь. Я все, что не захотите, не пропущу в журнал, а напишу в письме. Что можно будет, помещу в журнале с вашего разрешения. Пишите заметки в „Стенгаз — острый глаз“ и в отдел „Кто виноват?“ Делитесь своими переживаниями. Для того чтобы письма не попадали тому, кому не следует читать, пишите по адресу редакции, а на конверте еще припишите „КУЗЬКЕ“. Только пишите чернилами.

Ваш КУЗЬКА

А теперь я поделюсь с вами теми письмами и откликами, которые мы получили на статью „Кто виноват?“

Вот, например, деткор И. Захарьин пишет:

„Часа два были рассеяны мои мысли после чтения статьи А. Казаковой в журнале № 7. Как это Лена, внучка революционеров, нарушила жизнь и удушилась. Прежде всего я осуждаю больной поступок Лены Волхвичевой. Но не только Лена виновата. Виноват отец, который выгнал дочь из дому. Виновата тетка, которая бросила Лену на произвол судьбы! Но больше всего виноваты пионеры, которые смеялись над бедой своего товарища.

Я требую, чтобы отряд не отделывался молчанием, а выступил на страницах журнала и описал, как он теперь исправляет свою ошибку".

Я вполне присоединяюсь к деткору И. Захарьину. Поэтому просил нашего секретаря редакции отправить все номера журнала, где была дискуссия, в Саратов и затребовать от подсудимого отряда ответ. За исполнением моих поручений я всегда слежу очень строго. Надеюсь на днях получить письмо из Саратова. Кстати мы запросили также и отца, который писал в № 14 о том, как теперь ведет себя его сын, очень плохой пионер, и по письму пионерки приняли меры тоже. Результатами я скоро с вами поделюсь.

Вот письмо М. Лейбовского. Он проживает в Москве и сообщает:

„Я учусь в ФЗУ Меткопромсоюза. У нас был один пионер Тимофеев. Мать у Тимофеева не родная и очень его недолюбливала. Кончилось тем, что парня отец выгнал из дому. За расследование этого дела взялась ударная группа по организации отряда ФЗУ. Нам удалось выяснить, что отец выгонял Тимофеева из дому несколько раз и вообще к нему очень плохо относился. Тогда мы решили все это дело передать в прокуратуру. Самого пионера Тимофеева устроили в Звенигороде работать в ФЗУ и жить в общежитии. Своей заметкой я хочу сказать, как пионеры должны оказывать помощь своим товарищам. А таким, как Лена Волхвичева, о которой писали в № 7 „Пионера", надо всегда обращаться за помощью к товарищам".

Прав тов. Лейбовский. Прав потому, что заметку написал правильно и показал всем, как надо помогать товарищам. А если ребята будут делиться в журнале своей жизнью, то и мы всей редакцией можем помочь и советом и даже привлечением к ответственности таких, как отец Тимофеева.

Справедливо возмущается поступком отряда И. Шейнерман. Очень жаль, что он не написал адрес на заметке. В другой раз, тов. Шейнерман, на каждой заметке указывай свою фамилию и подробный почтовый адрес.

Шейнерман пишет:

„Пионеротряд поступил по пословице: „сиди у моря и жди погоды". И этой погоды они дождались.

Каждый малодушный человек имеет самолюбие. А если это самолюбие не позволяло Волхвичевой просить помощи? А эту помощь прозевал оказать пионеротряд".

Только тов. Шейнерман неправ в первой части. Как можно задеть самолюбие, если обратиться в свой пионерский отряд за помощью? Ведь отряд — это вторая семья. Я не знаю, может быть, ребята, у вас не так, может быть, вы не считаете, что отряд — это семья, тогда напишите конкретные факты, докажите, что это не так. Вот отряд, в котором я состою, для меня не отряд, а отец и мать. Я всегда делился со своим отрядом всеми переживаниями, не только я, но и все ребята наши, а отряд нам помогал. Интересно, как у вас? Если вам не трудно, то напишите мне.

Прежде чем кончить свою статью, я приведу вам еще два интересных письма ребят.

Первое писал Сальников Виктор из Шуйского округа:

„Отец и мать меня ругают, что я ем ихний хлеб. Учусь я слабо, потому что в детстве меня все били по голове, даже и теперь родители бьют меня по голове. Я хочу хоть куда-нибудь поступить на работу, чтобы меня не попрекали куском хлеба".

Этому товарищу я сочувствую. Редакция приняла меры, и теперь послано ему подробное письмо, что и как надо делать, чтобы стать настоящим гражданином.

Второе письмо не менее интересное. Писал его деткор 57-й школы г. Харькова Д. Скворцов:

„Мы пробуем разбить вековые традиции,— пишет Скворцов.— Я и еще два товарища подружили с одной девочкой. Сразу на нас посыпались угрозы, ругательства. Почти все ученики относились к нам с презрением. Но мы на их травлю не обращаем внимания. Через некоторое время еще сдружились другие ребята и девчата. Но эти не так стойки, и благодаря неусыпной травле школьных „сплетниц" дружба распалась. А мы твердо держим свои позиции. Надеемся в дальнейшем в нашей школе привить дружеские отношения между ребятами и девчатами. А „сплетницы" ставят о нас на сборе, на групповых собраниях, обвиняют нас „в ухажорстве" и хотят порвать нашу дружбу. Мы считаем, что советская школа должна воспитывать не ненависть к девчатам, а дружеское и товарищеское отношение".

Правильно, тов. Скворцов! Ты прав. Не сдавай позиции, а если „сплетницы" будут по-мещански подрывать вашу дружбу, то напиши мне об этом, сообщи их фамилии, и я продерну их в газетке „Стенгаз — острый глаз".

С товарищеским приветом

Ваш Кузька

Жду писем.

РЕБЯТА, СОРЕВНУЙТЕСЬ!

На лучшую выдумку
На лучший новый отдел
На лучшее оформление в журнале
На лучшее предложение
На лучший заголовок и шрифт к отделу
На новую детскую игру
На новое распределение материала в журнале

Шлите материал по адресу: Москва, Новая пл., 6/8, „ПИОНЕР"

СТЕНГАЗ— ОСТРЫЙ ГЛАЗ

Ответственный редактор КУЗЬКА (Кузьма Федорович Пробкин)

ШАХМАТИСТЫ ГОРОДА СУМЫ

В Сумском клубе металлистов всегда шум, крики, толкотня. Помещение читальни маленькое. Стульев там нет. Нельзя ни почитать, ни поиграть в шахматы. От безделья ребята хулиганят.

Деткор Белоусов

Вид у Вани недовольный:
Пойман он веревкой ловко.
— Неужели ж тебе больно?
Это ж просто — РОКИРОВКА!

УДАРНЫЕ ТЕМПЫ

В одном отряде г. Ивот, Брянского округа, ребята растащили инструменты мастерской.

Деткор Николай А.

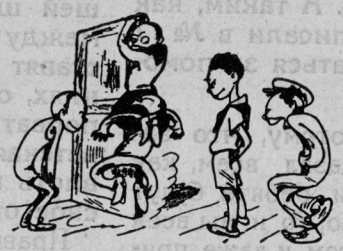
Мастерскую получили,
В две недели растащили
Дайте фабрику, завод —
Разворуем через год!

БЫСТРЫЙ ВЫПУСК

В Ивотской семилетке, Брянского округа, стенгазета за год вышла всего 2 раза.

Деткор Николай А.

Выпуску стенгазеты дан полный ход.
Достижениям рады ребята.
— Не успел еще кончиться 30-й год,
А у нас уже газета за 29-й!



Идущему на всех парах,
на голову ногами — трах!..
Кричат ребята:
— У-лю-лю!.. Не обижайся! Это
ШАХ твоему королю!

Качают паренька во весь размах.
— Чем ты не доволен? Чему ты не рад?
Была рокировка, был шах,
а теперь, дело ясное, МАТ!

ФАБРИКА НА СТОЛЕ

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ ЦЕХ

Старший мастер — рабочий Красно-Пресненского машиностроительного завода С. ГУРОВ

РЕБЯТА! Каждый из вас почти ежедневно имеет дело с инструментами. Молоток, нож, ножницы, пила, напилок, плоскогубцы и многие другие нужны нам постоянно.

Обыкновенно мы работаем ими до тех пор, пока не испортим, пока не иступим до того, что бросить надо. Мы очень мало заботимся о том, чтобы инструмент всегда был в полном порядке, готовым к действию.

Очень часто мы калечим инструмент, употребляя его не для того, для чего он сделан. Надо шуруп или винт отвернуть, мы, вместо отвертки (завалилась куда-то), берем нож или стамеску, начинаем отвинчивать и... кончик ножа или лезвие стамески отлетели. А нож с обломанным концом и выщербленная стамеска — это уже не инструмент, а дрянь. Ножницами для ногтей мы режем шерсть, сапожным шилом делаем дырки в железе (портим шило) или в дощечке (колем дощечку или делаем плохую дыру), рашпилем пилим железо. Это никуда не годится! Ну, подумайте: что было бы, если бы красноармеец своей винтовкой начал лед с тротуаров скалывать или музыкант скрипкой на стенках мух бить?

Каждый инструмент предназначен и приспособлен для определенных производственных операций и для определенного материала. Нельзя стамеской рубить железо, а зубилом — дерево: и стамеску сломаешь и дерево поколешь.

Когда инструмент используют по назначению, когда за ним ухаживают, вовремя его ремонтируют и точат, он служит годами. А когда он валяется, где попало, и им делают все без разбора, веку ему — один час.

В наших «беседах об инструментах» мы и поговорим с вами прежде всего о том, как надо пользоваться разными инструментами и как за ними ухаживать, чтобы они были всегда готовы к работе и служили долго.

Еще надо поговорить вот о чем.

Наше государственное строительство сейчас небывало велико. Наша промышленность (в частности и инструментальные заводы) едва успевает снабдить инструментами заводы и фабрики.

Для ребят (а потребность в инструментах у ребят сейчас велика, как никогда) остаются либо бракованные инструменты, либо их поступает в продажу так мало, что их нигде не купишь (продают только по заявкам школ).

Поэтому на ряду с крайней бережливостью в отношении к инструментам обязательной для всех и всегда является необходимость чем-то заменить многие покупные инструменты. Чем же заменить?

Во-первых, надо исправить, отремонтировать те инструменты, которые вы считаете уже негодными. Старый напильник, обломанная стамеска, тупая и сломанная пила, выкрошенная железка рубанка и еще очень многое могут быть и должны быть исправлены вами самими, а исправленные послужат вам еще и еще.

В наших беседах я постараюсь вас научить отпустить, запилить, закалить, заточить инструмент, спаять медью поломку, склеить ее или свернуть. И наконец последнее, о чем мы поговорим,— это изготовление простейших инструментов из того, преимущественно «бросового», материала, который всегда есть под рукой или может быть легко приобретен.

Мне бы хотелось, чтобы наши «беседы» были настоящими беседами, чтобы вы, ребята, не только задавали вопросы об интересующих вас инструментах, но и делились вашим опытом в этом деле. Ребята очень часто придумывают чрезвычайно удобные инструменты для своих работ и так же часто... не умеют их сделать, как следует. Вот тут я вам помогу: сообща мы сделаем такой инструмент, который сможет работать по-настоящему и послужит долго.

Пишите ваши запросы и предложения в редакцию — будем их вместе с вами решать.

КАК ИСПРАВИТЬ НАПИЛЬНИК

Слесарные пилы (напильники) при частом употреблении довольно быстро приходят в негодность: их насечка тупится, напильник начинает блестеть — «серебрится». Пила забивается мельчайшей металлической пылью, смешанной с салом (а оно всегда есть во всех изделиях), и вместо того, чтобы пилить, только гладит поверхность, «подсвистывая» при этом. Обычно такая пила раздражает работающих, и ее выбрасывают. И напрасно: ее еще можно заставить работать.

Для этого нужно проделать следующее:

1) Сделать крепкий раствор соды (бельевой) или поташа и в нем прокипятить пилу минут 10—15.

2) На 100 граммов серной кислоты прибавить 4-5 граммов азотной, и в эту смесь опустить прокипяченный раньше напильник на 2-3 минуты. Потом вынуть и быстро промыть водой. Если после первого раза напильник очистился и заострился недостаточно, операцию надо повторить.

(Работая с кислотами, надо быть очень осторожным: можно пожечь пальцы и одежду. Никогда не наливайте воду в серную кислоту: начнется очень сильное кипение, сосуд может лопнуть и кислота наделает бед).

Конечно, когда дело идет об одном напильнике, может быть, и «не стоит путаться» с этим делом. Но когда речь идет, скажем, о школьной мастерской или о мастерской детской технической станции, где напильников десятки, их следует заставить поработать еще 1½—2 месяца.

Напильники, чтобы они меньше засаливались, следует перед работой натирать мелом (куском).

КАК ЗАКАЛИТЬ ЗУБИЛО

Закалка зубила — дело очень ответственное. Если оно закалено слишком крепко, оно крошится или даже обламывается в месте закалки; если слабо, мнется при работе, не рубит.

При неправильной рубке и хорошо закаленное зубило ломается нередко.

Так как у большинства ребят нет под рукой наждачного точила, а на простом точиле затачивать выщербленное зубило чрезвычайно долго и трудно, приходится обходиться иначе: зубило отпустить и опилить его напильником, а затем закалить.

Отпуск прост: нужно накалить конец (25—50 мм) зубила до светло-красного цвета и, положив на камень или на железо, дать медленно остывать. После того, как оно остынет, зубило легко пилится.

Закалка сложнее. Для закалки конец зубила опять нагревается до-красна, затем самый конец его (5-6 миллиметров) быстро опускают в воду и ждут, когда вся накаленная ранее и не погруженная в воду часть зубила станет красно-вишневого цвета. Когда этот цвет появился, нужно зубило вынуть из воды и замоченным концом (он при охлаждении станет черным) приложить к сосновой щепочке. Сначала на щепочку это не произведет никакого впечатления. Но когда жар от той части зубила, которая осталась незамоченной (и была вишнево-красной), подойдет к концу зубила (к «жалу»), щепочка начнет дымиться. В этот момент все зубило нужно быстро опустить в воду. Оно быстро остынет и готово к работе.

Щепочка должна быть сосновая, так как именно сосна начинает дымиться при температуре наиболее хорошей для правильной закалки зубила: она играет роль термометра.

В следующих номерах журнала «Пионер» в инструментальном цехе будет проводиться работа по закалке зубила, как заточить пилу, как точить железки рубанков и стамески и др

Дорогие ребята! Пишите, как работает ваша рабочая комната, какие инструменты у вас часто портятся и в чем заключается порча.

Пишите, пользуетесь ли вы материалами «фабрики на столе» и что еще нужно ввести в журнале.

Редколлегия М. Г. 689 СтАт А 4—210×297 мм. *Ответ. редактор* **И. Разин**

Главлит № А—70.402 Отп. в 7-й тип. „Искра Революции" Мосполиграфа, Москва, Арбат, Филипп., 13. З. Т. 1.640

ИЗД-ВО ЦК и МК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

МАГАЗИН

„ПИОНЕР"

Москва, ул. Дзержинского (Б. Лубянка), 17. Тел. 5-52-96

БОЛЬШОЙ ВЫБОР ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ВОЖАТЫХ и ПИОНЕРОВ

ПОДБОР КНИГ ДЛЯ ПИОНЕРКАБИНЕТОВ, КУРСОВ, ОТРЯДОВ

Комплектование библиотечек на сумму по указанию заказчика.

Настольные игры от 55 к. до 1 р. 80 к. Плакаты. Пионерские значки в 5 к., 25 к., 30 к. Зажим для галстука—45 к.

ПИОНЕРСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ:

Барабаны 23 *см* (в диаметре)—9 р.; 27 *см*—12 р.; 31 *см*—16 р. 50 к. и 36 *см*—19 р. 20 к. Горны медные—15 р. 90 к. Флажок к горну (шитый шелком)—1 р. 10 к. Знамя пионерское (двухоборотное, шитое шелком)—16 р. 80 к. Галстуки с изображением В. И. Ленина (печатается несмываемой краской)—25 к., они же сатиновые—32 к. Костюмы сатиновые—4 р. 40 к. Рубашка серая (туальденор), трусы сатиновые—3 р. 85 к. Флажки для звеньев (шитые шелком)—70 к. и 1 р. 10 к. Знамена „КИМ" (вышитые шелком)—25 р.

КАНЦЕЛЯРСКИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

В провинцию заказы высылаются по получении всей или половины суммы стоимости заказа вперед.

ВСЕМ

ПИОНЕРСКИМ ОТРЯДАМ и ФОРПОСТАМ!

Изд-вом «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» выпущены

ДВА

МНОГОКРАСОЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПЛАКАТА

к 10 летию пионерского движения и 2-му международному слету.

ЦК ДКО при ЦВ ВЛКСМ рекомендует немедленно приобрести эти плакаты и принять все меры к их широкому распространению по клубам, избам-читальням, школам и внешкольным учреждениям.

ЦБ ДКО при ЦК ВЛКСМ.

Цена за оба плаката 75 коп.

ЗАКАЗЫ и ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ книжной базе изд-ва ЦК и МОК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ" Москва Центр, Новая площадь, 6, и во все отделения издательства.

При высылке денег вперед пересылка за счет издательства.

ПОМНИ:

к 1 июля ты должен подписаться или возобновить подписку **на 2 е ПОЛУГОДИЕ** на издаваемые для тебя ЖУРНАЛЫ:

ПИОНЕР

Боевой и обществен. журнал школьника и пионера. Выходит каждые 10 дней. Орган ЦБ и МБ ДКО и НКПроса.

„Я читаю „ПИОНЕР" беспрерывно с 1925 года и не думаю когда-либо от него отстать, хотя я уже комсомолец. Как-то в прошлом году я бросил выписывать, но стало скучно, и я опять выписал. „Пионер" научил меня многому", так пишет комсомолец П. Толпегин.

Цена отдельного номера значит. снижена) 10 коп.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

На 6 мес . . . . 1 руб 60 коп.
„ 3 „ . . . . . — „ 85 „
„ 1 „ . . . . . — „ 30 „

ЗАТЕЙНИК

Единственный ежемесячный журнал по организации досуга. Орган ЦБ ДКО и НКПроса.

„ЗАТЕЙНИК" ребятам лучший друг — организует их досуг.

Необходим школам, отрядам, клубам, жилтовариществам.

Цена отдельного номера 30 коп.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

На 6 мес. (с 6 бесплатными приложениями — 1 руб. 70 коп., 3 мес.—85 коп.

ЗНАНИЕ — СИЛА

Ежемесячный популярный, научно-технический иллюстрированный журнал. Орган ЦК ВЛКСМ, НКПроса и Центральной детской технической станции

Школьники и пионеры, интересующиеся техникой, читают и выписывают „Знание—Сила". При журнале заочные радиокурсы и бесплатная научно-техническая консультация.

Цена отдельного номера 25 коп.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

На 6 мес. . . . . 1 руб. 30 коп.
„ 3 „ . . . . — „ 70 „

ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ

Ежемесячный иллюстрированный естественно-научный журнал школьников и пионеров. Орган ЦБ ДКО и ЦБ ЮННАТОВ.

Выписывают все друзья природы, кружки юннатов, колхозы и совхозы, сельские школы и учителя, пионеротряды и ячейки ВЛКСМ, библиотеки и избы-читальни.

Цена отдельного номера 15 коп.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

На 6 мес. . . . . 75 коп.
„ 3 „ . . . . . 40 „

НЕМЕДЛЕННО ВОЗОБНОВИТЕ ПОДПИСКУ!

НЕАККУРАТНОСТЬ приведет к перебоям в получении журналов.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва Центр, Б. Черкасский, 6, изд-во ЦК и МОК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», всеми отделениями изд-ва, повсеместно на почте, всеми письмоносцами и специальными уполномоченными, снабженными соответствующими удостоверениями.